

12+

Виктор Ананишнов

Ходоки во времени

Освоение времени
Книга 1

Виктор Ананишнов

**Ходоки во времени.
Освоение времени. Книга 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Ананишнов В. В.

Ходоки во времени. Освоение времени. Книга 1 /
В. В. Ананишнов — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Мы все путешествуем во времени. А может время путешествует в нас. Время, возможно, субъективно и, возможно, объективно. Эта книга (первая из четырех законченных), написанная в жанре научной фантастики, предлагает свое измерение и освоение времени. Адресована всем любителям фантастики.

ХОДОКИ ВО ВРЕМЕНИ

Настоящее – тень прошлого,
будущее – рассеянный свет
настоящего.

Человек – это странник с рождения,
он рождается на судне,
под которым волнуется время...
Мэтью Арнольд

Книга первая

ОСВОЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Санкт-Петербург
Красный Бор – 2006

Часть первая

УЧЕНИК И УЧИТЕЛИ

Ученичество в жизни, что бы там
не утверждали, – занятие всё-таки нудное,
а описание его – тем более...
Автор

Странные визитёры

– Ваммм! – услышал он и в то же самое мгновение десятков мягких, но сильных рук схватили его, смяли, скатали в небольшой тугий шар и бесцеремонно катнули в неизвестность.

Шар (он – Иван Толкачёв) упруго подпрыгнул на выступе, перевалил его и, глухо стучая, как в пересохшее дерево, покатился по невидимым жестким и холодным ступеням куда-то вниз, в темноту.

Шар катился и прыгал без задержек, а Иван, хотя и чувствовал и знал, что он – это шар, но как будто бы в то же самое время висел где-то над ним и рядом, слышал стук, ощущал движение извне и старался разглядеть его в темноте.

Через некоторое время, подпрыгнув в последний раз, шар остановился. Неведомая сила навалилась, стиснула Ивана в малом объеме шара. Раздался короткий звук лопнувшей струны и...

Иван проснулся.

В тишине торопливо и чётко, с под звоном тикали часы. Что-то передвигали, или ему это показалось, этажом выше. За окном шмелем прожужжала машина. И наступила тишина.

Не открывая глаз, Иван потянулся и подумал, что всё было сон и чепуха. Та, которая тайком прокрадывается в наш мозг, когда мы спим, и творит там такое, что и, бодрствуя, не придумаешь...

Чепуха! Но совсем недавно у него по спине бегали мурашки, и рывками работало сердце.

Иван притаился, ожидая нового чуда, которым так богат утренний сон, но спать уже не хотелось. Счастливо вспомнил: сегодня выходной. Вот сейчас он встанет, спокойно умоется,

тщательно побреется... Нет, бриться не будет. Со щетиной можно походить денёк. Зато, не спеша, просмотрит газету, позавтракает и на весь день укатит за город. Ну, например, в Рощино или, ещё лучше, в Павловск.

– М-м...

Вдруг вспыхнул яркий свет, ударил по глазам сквозь веки и заставил Ивана крепче зажмуриться.

– Что такое!? – всполошился он.

Открыл глаза и приподнялся на локте.

Он лежал на широком ложе, устланном нежным ворсистым покрывалом. Его же давно обжитая полуторная кровать с матрасом и простынями куда-то исчезла. Стены его тесноватой комнаты округлились и раздвинулись вширь, потолок – в высоту. Ослепительный свет падал не из окон, а от белой тарелки купола. У противоположного от Ивана полукруга стены что-то горело. Ароматный дымок, лениво и прихотливо извиваясь, пепельно-голубой струйкой тянулся вверх, под купол, а там растворялся на светлом фоне.

Тепло и нега царили в этом помещении.

Неужели он и вправду заснул и ему снится чудный сон? Однако прочувствовать и понастоящему отдать должное окружающей красоте и уюту Ивану толком не удалось, потому что рядом с его новым просторным ложем на причудливых пуфах восседали не менее занятные люди.

Они смотрелись уж слишком реально, чтобы можно было усомниться в яви.

Перед ним было двое мужчин.

Ивану понадобилось несколько мгновений, чтобы тренированным взглядом их оценить и выделить детали этих незнакомцев – внешний вид, позы, лица. И... успокоиться. От них не исходило угрозы. Напротив, веяло умиротворённым ожиданием, когда он проснётся.

Ближе к нему сидел худощавый блондин с высоким морщинистым лбом над серо-голубыми глазами в опушке длинных ресниц. Его тонкие веснушчатые руки свободно лежали на острых коленях. Чёрный костюм, пиджак расстёгнут, снежно-белая рубашка, широкий, в горошек, галстук. Лицо умное, спокойное, в глазах затаилась сверкающая слезинка.

Иван где-то его уже видел, и совсем недавно. Начал было лихорадочно вспоминать, где именно и когда, и тут же, осознав всю никчёмность этого занятия, перевёл взгляд на второго незнакомца.

Тот жадно рассматривал его.

Смуглое цыганистое лицо быстро менялось и выражало то радость, то испуг, то сомнение, то растерянность. Казалось, внутри у него всё клокочет от нетерпения, и он не знает, чем всё-таки выплеснуться наружу. В одежде его, на взгляд Ивана, – небрежение и безвкусица. Просторная, пёстрая до ряби в глазах рубаха заправлена под широкий грубый пояс тёмной кожи. За расстёгнутым, замусоленным от долгой носки воротником видна мускулистая шея и часть волосатой груди. Сапоги с невероятно высокими каблуками и сверкающими голенищами, гармошкой сидят на сильных ногах, обтянутых цирковыми ярко-красными трико.

– Это и есть КЕРГИШЕТ? – спросил он блондина, глядя в упор на Ивана сумасшедшими глазами, в которых, казалось, не было зрачков.

Сказал он это по-русски, хотя на слух в его произношении чувствовалась чуть заметная неправильность. Так говорят в Прибалтике.

– Он, он. Не сомневайся, дорогой. Это ты скоро почувствуешь, – вкрадчиво отозвался блондин и мягко улыбнулся.

Говорил он без акцента.

– Поздравляю!.. А он знает об этом?

Блондин пожал узкими плечами, дёрнул белесыми бровями. Погладил колени ладонями.

– Откуда?

– Невероятно! – цыганоподобный по-кошачьи прищурил глаза и с чувством чмокнул полными губами. Ещё раз со вкусом пожевал слово: – Невероятно!

– Почему же? Мы же ждали... Он, кстати, наконец-то проснулся...

«Однако, – подумал Иван, – что-то они поздно заметили моё пробуждение. Комедию разыгрывают?»

– Проснулся! – с вызовом подтвердил он и сбросил с ложа ноги/

Небрежно повёл литыми плечами. Обеспечил, так сказать, показ своей фигуры, дабы видели, с кем имеют дело: если надо, то постоять он за себя может. Не на того нарвались.

Второй незнакомец зажмурился и съёжился от его голоса и движений, как будто ожидал неминуемых грома и молнии. Или удара по голове. Напарник тронул его за крутое плечо.

– Привыкай, дорогой, – ободрил он его и, убрав улыбку, обратился к Ивану: – Я Вам сейчас всё объясню. Познакомимся. Его зовут Севильяк. Точнее, дон Севильяк. Меня – Симон. А... о вас мы знаем всё.

Чёрта с два, не поверил его словам Иван с непонятным для себя злорадством. Уж что он знает о себе сам, того никто больше знать не может. Тем более, эти, незнакомые ему, люди.

Дон Севильяк при упоминании имён открыл один глаз, необычайно выпуклый и круглый, пошарил им вокруг себя, словно удивляясь своей целостности и сохранности. А в округе, к его изумлению, ничего не изменилось.

– Ну вот, Иван Васильевич. Наш друг, Вы видите, пришёл в себя. – («Наш, значит, и мой друг», отметил Иван), а Симон невозмутимо продолжал: – Надеюсь, он к Вам ещё привыкнет... А мы займёмся делом. Я постараюсь Вам всё объяснить как можно короче...

– Я не тороплюсь... У меня сегодня, раз уж вы всё обо мне знаете, выходной... То есть день нерабочий. Так что, пожалуйста, валяйте!

Иван проговорил это грубовато и как будто не заинтересованно, что со стороны выглядело решительно и независимо.

На самом деле, он всё-таки был потрясён необычайной обстановкой, в которую неизвестно как попал, и всем происходящим.

Он, чтобы собраться с мыслями, ещё, наверное, добавил бы что-нибудь в том же роде. Но вдруг понял, что странный сон, пробудивший его, был, похоже, не совсем сон. Что всё это неспроста, и что он попал в какую-то историю, и что ему здесь пока ничто не угрожает, а напротив, ему стало даже казаться, будто бы он всю жизнь прожил в ожидании этой встречи. За ней ему уже грезилось и виделось нечто долгожданное и необычное. Выстраданное.

Он глубоко вздохнул, шумно выдохнул, поджал к подбородку колени. Ну, начинайте! – говорил весь его вид, – я готов выслушать всё, даже если это будет банальность.

Симон рассматривал на руках ногти, а дон Севильяк тем временем не сводил с Ивана выпуклых, чёрных как ночь, удивленных глаз. Что называется, ел его глазами. И ел со умело. Такой взгляд и скромного может подбросить на вершину тщеславия, а Иван был далеко не скромнен. Конечно, лезть в любом виде не любил, но когда вот так: неподдельно, молчаливо, со страхом и уважением...

Он полностью успокоился, удобнее разместился на подsunутом ему ложе. В его позе появилась непринуждённость. Он прекрасно знал, как это делается, и улыбнулся с независимым видом. А чтобы не молчать, напомнил:

– Итак, мои новые, надеюсь, друзья, что вы мне имели сообщить?

Построение вопроса ему самому понравилось – на одесский манер, и он повторил его ещё раз. Капризнее и повелительнее. Для «новых друзей» его поведение могло выглядеть глупо, но как оказалось, произвело неотразимое впечатление, особенно на дону Севильяка.

– Вот так, дорогой Севильяк, – подвёл итог произошедшим переменам Симон.

Дон Севильяк смешно поводит большим пальцем руки у себя перед носом, глядя на них сведёнными глазами, и восхищённо выдохнул:

– Всё сходится... Непостижимо!

– Ты прав, дорогой, – поддержал его Симон. И к Ивану: – Вы, молодой человек, когда-нибудь слышали о возможности перемещения во времени и пространстве? О параллельных мирах и о том, что пространство можно сжать до одного шага? Что будущее и будущее время не одно и то же? Что...

– Не всё сразу, мой Симо-он, – дон Севильяк остановил напарника, певуче затягивая букву «о» в его имени. – Видишь, как его бросило в жар от твоих слов...

Как он был прав, этот полнеющий, похоже, наспех одетый, лупоглазый и восторженный человек! От слов Симона Ивану стало не по себе. Он даже вспотел, ибо тот коснулся того, о чём Толкачёв старался не думать всю жизнь.

Боялся думать!

Лет двадцать пять назад, когда живы были его отец и мать, а он был в том счастливом возрасте, когда ещё умеешь считать только до пяти, когда самая большая обида – на соседского Юрку, показавшего язык, с вопросами Симона Иван познакомился очень близко. По крайней мере, с некоторыми из них.

Как-то отец, капитан дальнего плавания, в его присутствии напомнил матери подробности их первой встречи в каком-то южном городе. Мать, смеясь, перебивала его, вспоминала о погоде в тот день, о своих мыслях, переживаниях и о том, какое впечатление произвёл на неё, молоденькую девушку, будущий отец Ивана – зрелый, повидавший виды мужчина, лет на двадцать старше её.

Они вспоминали, смеялись и грустно вздыхали по ушедшей счастливой поре.

Иван стоял рядом с родителями. Ему вдруг очень-очень захотелось увидеть их там, в минуту встречи, в далёком неведомом южном порту.

В тот же миг он почувствовал во всём теле лёгкость, его куда-то понесло так быстро, что он едва успевал переставлять ноги, чтобы не упасть. И тут же увидел себя среди широкой ухоженной аллеи из нечасто посаженных, тянутых кверху стволами и ветвями, деревьев. За ними, почти в двух шагах, шепча и всплескивая, волновалось море. Оно уходило в небо. А около мальчика стояли его помолодевшие родители. Они разговаривали и громко смеялись.

– Папа, мама! – радостно закричал Иван и бросился к ним, широко раскинув руки.

Отец, в красивом, белом, расшитом галунами костюме, онемел и подозрительно посмотрел на девушку – мать Ивана. Она же засмеялась громче.

– Ты чей, мальчик? Ты потерялся? – спросила она его, присев перед ним.

– Не-ет! Я ваш...

– Ну, уж... Чей ребенок! – зычным голосом моряка, словно он стоял на мостике в шторм, рявкнул отец.

– Я же ваш... – захныкал мальчик и обнаружил себя вновь стоящим со своими родителями в родном доме.

Его мутило, голова кружилась, он едва держался на ногах от слабости и испуга.

– Куда это ты бегал, Ваня? Да быстро как! – одобрительно пробасил вмиг постаревший отец.

– Ты бегал гулять? – также поинтересовалась мама и тут же обратилась к отцу: – Помнишь, как к нам пристал странный мальчуган? Всё говорил: папа, мама, я ваш!

Иван расплакался тогда от обиды, от пережитого страха, от головокружения и слабости. Непонятное и напугавшее его странное ощущение запомнилось навсегда. С годами, взрослея и учась на веру брать только реальные события, он стал думать об этом как о странном казусе, и всё больше сомневался: было это с ним или показалось...

И вот Симон ему напомнил.

Пока Иван был занят воспоминаниями и детскими переживаниями, незнакомцы тактично молчали. По-разному. Симон – спокойно, с видом человека, привыкшего ждать. Дон

Севиляк, играя буграми мышц и гримасничая, всё время чем-то занимался, ворочался, поправлял одежду, приминал голенища сапог. И при этом посматривал на Ивана с опаской, словно не доверяя ему.

«Чего ему меня бояться?» – спрашивал себя Иван. Это он находится непонятно где по их, наверное, воле, и это он обескуражен их вопросами.

Небольшая передышка от напористости Симона, дала возможность Ивану успокоиться. Он взглядом поблагодарил дон Севиляка. И решил брать разговор в свои руки.

– Он прав, не всё сразу... дорогой! – твердо сказал он Симону, хотя на самом деле твердость его была только в голосе, а в себе её он так пока и не почувствовал. Ему хотелось ещё немного выиграть время и собраться с мыслями. – Вы, Симон, не подумали о том, что мы с Вами можем говорить на разных языках об одних и тех же вещах, – бодро произнёс он, хваля себя за находчивость. Они играют, так почему ему с ними не поиграть? – Давайте-ка, уточним терминологию.

Незванные собеседники Ивана переглянулись. Наверное, его последнее предложение сбilo их с толку. Во всяком случае, Ивану так показалось, потому что дон Севиляк ещё больше округлил глаза и с ещё большим подобострастием заглянул Ивану в рот, будто там родилось что-то слишком важное, и можно ожидать продолжения, а Симон слегка скис и принялся сжимать и разжимать кулаки.

– Разве я сказал что-нибудь непонятное? – спросил он с расстановкой, стараясь, чтобы его голос не срывался. – Нам известен Ваш уровень образованности, так что Вы могли бы нас понять правильно.

– Понятно, но не всё. И потом, Симон. Ведь Вы свалили всё в одну кучу.

– Что именно? – уже с вызовом воскликнул Симон.

За его показной вежливостью явно проглядывало едва сдерживаемое раздражение.

Такой его вид приободрил Ивана. Они хотели его удивить? Хе-хе! Как там?.. На всякого мудреца... Довольно наговорить ему какой-нибудь бестолковщины и он – готов.

Иван медленно и подробно, призвав на помощь всё когда-то вычитанное, пояснил, что именно ему не понравилось в вопросах Симона:

– А то. Перемещение во времени и параллельные миры... Или постулат о различии будущего и будущего времени и тут же – утверждение о сжатии пространства... Надеюсь, Вы поняли свою ошибку, Симо-он?

Здесь он, пожалуй, перестарался: последние слова не следовало говорить. Тем более ему, в принципе, пока что ни к чему было вступать с Симоном в настоящий конфликт. А с другой стороны, пусть не воображают из себя некими всезнайками. Что он им – мальчишка? Пришли, наговорили.

Симон от его реплики весь передернулся, будто ему за шиворот налили холодной воды. Зато дон Севиляк засветился от восторга.

Однако делать было нечего, так как сказанного не вернёшь.

У Ивана бывали такие минуты, когда он мог с менторской интонацией говорить всё, что взбредёт в голову. Сейчас на него как раз и накатило такое настроение. Ему внутренне было весело, всё происходящее стало представляться лёгкой прогулкой по экзотическим местам, и он не задумывался о последствиях разговора. К тому же, вёл его он, а не они, как им, возможно, этого хотелось бы.

– Хорошо! – Симон сменил позу, провёл ладонями по коленям, успокаивая себя. Проговорил без прежней охоты: – Что ж, начнём с терминологии... Первое, перемещение во времени. Под ним мы понимаем возможность человека, одарённого особой способностью, передвигаться во времени или, как мы говорим, ходить во времени. Он может одним усилием воли из настоящего для него времени проникнуть в прошлое и вернуться назад, в своё время. В

прошлом он способен материализоваться, то есть проявиться в реальном мире. Жить и работать там, как все люди того времени.

– Ага! Вот теперь я Вас, уважаемый Симон, понял. Но зачем нужно проникать в прошлое? То есть, по-вашему, ходить туда?

Симон даже не посмотрел в сторону дон Севильяка, который хотел ему что-то подсказать.

– Нет уж, – с нажимом сказал Симон, тоже выказывая свой характер, противопоставляя его Ивану. – Давайте не будем забегать вперёд! А выясним всё по порядку. И вначале поговорим о терминологии. Этого желали Вы!

Иван оценил его выпад и примирительно улыбнулся.

– А кто это – мы? Симон да дон Севильяк?

Симон повёл подбородком вперед, как если бы его шею перетянул слишком тесный ворот рубахи. Разговор ему явно не нравился.

– Мы с доном Севильяком тоже, – медленно проговорил он. – Но я имел в виду всё наше общество. Мы называем себя ходоками во времени. И ещё вертами и ренками, то есть теми, кто может передвигаться во времени. Это очень древние слова, они подразделяют наших ходоков во времени на две неравные по количеству, но полноправные группы. Я, к примеру, – ренк, а дон Севильяк относится к вертам... – Симон помолчал. – Впрочем, обо всём Вы скоро узнаете и поймёте, надеюсь, почему такое деление существует.

Иван, искренне озадаченный разъяснениями Симона, которые, по сути, ему ничего не говорили, почувствовал разочарование. Ренки, верты... Ну и что?

Но ведь было что-то волнующее за всем этим, отчего хотелось говорить, спрашивать и узнавать. Неспроста же они появились у него, вернее, перенесли его куда-то и пытаются с ним вести переговоры.

– А я... я тоже имею к ним... к вам какое-то отношение? – спросил он осторожно.

– Вообще-то, к нам...

Иван судорожно вздохнул.

– Но Вы не относитесь ни к вертам, ни к ренкам...

Сказке конец, – упал духом Толкачёв. На его лице отразилась мина обиды. Намекнули и... бросили!

– Не торопитесь! О Вас, Иван Васильевич, разговор особый. О чём – несколько позже.

Если бы он знал, что творилось в этот момент на душе у Ивана. Ведь поманили и тут же – ни к тем и не к другим. Значит, он не такой как они и, как можно было сделать вывод из этого выражения Симона, ходить во времени не способен.

Не способен... не способен...

Симон продолжал:

– На сегодняшний день... У нас с Севильяком в день нашей с Вами первой встречи задумана была более скромная задача. А именно, не объяснять тут терминологию, – Симон сделал ударение на последнем слове с повышением тона, – и не уходить в сторону от основного по пустякам...

Не способен... не способен...

– ... а поставить Вас, Иван Васильевич, в известность о Ваших врождённых, но скрытых пока что от Вас способностях проникать в прошлое, то есть ходить во времени, и предложить Вам сотрудничать с нами.

– Да, – важно подтвердил дон Севильяк и покивал головой.

Шея этого здоровяка гнулась не очень-то, так что он качнулся всем телом.

Спо-осо-о-обен!!!

Иван почувствовал мелкую дрожь в руках, осветился счастливой улыбкой. Но тут же подавил в себе ликующее чувство приобщения к тем, кто может проникать просто так в прошлое, и внимательно всмотрелся в лица собеседников.

Предложили сотрудничать. В чём? Нет, чтобы сказать о его способностях и всё, а то приглашают вести с ними какое-то дело.

– Что вы понимаете под сотрудничеством?

Симон наморщил лоб.

– Я, может быть, не так выразился, а Вы не так меня поняли. Несмотря на Ваши способности, Вы, к сожалению, не знаете, как это делается. И, возможно, сами никогда не сможете ходить во времени. Надо учиться, Иван Васильевич. Вот содержание нашего предложения. – Симон посмотрел на дона Севильяка. Толстяк выпучил глаза. – Но, – сказал после небольшой паузы Симон, – обучение потребует всего Вашего времени.

– Но... Я работаю... – начал Иван и осёкся.

– Да, – кивнул в знак понимания его заботы Симон. – Вам, Иван Васильевич, придётся выбирать. На совмещение того и другого у Вас не останется времени. И сил тоже.

Иван призадумался. И было от чего.

Ретроспектива его жизни промелькнула в голове, как ветерок по заброшенной дороге, подняв пыль прошлого, и остановилась на настоящем.

Конечно, его повседневные интересы и работа там, где-то наверху (Иван почему-то считал, что находится в каком-то подвале или подземелье), были сносными. А вернее, работа ему нравилась. Правда, она была крайне беспокойной по своему содержанию, но имела и положительные стороны, в число которых входил её подвижный характер.

Иван по окончании вуза связи был приглашён в строительно-монтажное управление, а проще, в СМУ на должность прораба. Сейчас на его руках находился монтаж радиотехнического оборудования во многих местах города, кроме того, антенные поля в пригороде, несколько других объектов. Мотается день-деньской. Надо везде успеть. Наряды, накладные. Приёмка материалов, оборудования. Сдача готовых объектов. Ругань с кем надо, отчёты перед кем положено. Бесконечная круговерть! Зато каждый день встречи с новыми, нередко интересными людьми. Монтажники как будто его уважают, начальство – на то оно и начальство – журит терпимо. Зарплата приличная: жить не на широкую ногу, но и без натуги, можно. Ко всему тому, поездки в разные концы города и области способствуют его собирательской жилке: старые книги, небольшая коллекция монет. Иван много читал, и не только на родном языке. Мать и отец сами знали несколько языков, привили к ним любовь и сыну.

Может быть, на другой какой-то работе он был бы лучше. Или хуже. Кто знает? Он мог хотя бы самому себе честно признаться, что своего призвания в жизни не нашёл и не знал его, однако уже ясно понимал: кроме лёгкого усвоения иностранных языков, звёзд с неба не схватит. Другие качества – не в счёт. Конечно, по служебной лестнице продвинется, станет начальником участка, потом и выше взлетит. А как же – «растёт, как говорят монтажники, над собой», набирается опыта, чувствует за плечами вузовские знания и армейские навыки, привыкает к новым порядкам в стране...

Что, казалось бы, надо нормальному, не испорченному деньгами и особой тягой к роскоши, человеку?

И вот тут-то появляются, подобно джиннам из бутылки, двое: один из них – верт, другой – ренк, какие-то. Как будто серьёзно говорят о волнующей с детства до шемящего чувства идее – фантастическом перемещении во времени, и обыденно так предлагают вступить в их общество с приводящим в смятение названием ходоков во времени. Бросить всё и сотрудничать.

Было отчего призадуматься Ивану. Было отчего...

Но ему никак не думалось. Разумом он ещё пытался взвесить все «за и против», а в душе, сам себе не смея ещё сознаться, уже согласился с их предложением и готов был на всё:

забыть прошлую свою жизнь и отказаться от настоящей, пожертвовать карьерой на строительном поприще. Предложение этих странных людей показалось ему неким просторным полем после узкого бесконечного ущелья, которым он в последние годы продирался, оставляя на острых каменных углах части своих душевных сил, друзей, подавшихся в коммерцию или канувших на дно жизни, подруг, жаждущих денег, а оттого отвергаемых им...

Всё оставить позади и начать сначала?! Опять же всё! Но разве так можно? Сразу, с кондачка, по первому зову незнакомцев всунуть голову неизвестно куда или к кому?

Лицо Ивана исказилось от обуреваемых его чувств. Видя это, Симон мягко и проникновенно проговорил, отбрасывая официальность:

– Вы, Ваня, можете подумать о нашем разговоре в привычной для Вас обстановке – дома. К тому же, дав согласие, Вы можете заняться каким-нибудь необременительным для себя делом и пользоваться радостями современного бытия в городе. Так что о Ваших занятиях с нами никто не заподозрит. Если Вас, конечно, волнует такой вопрос... Подумайте, Ваня, подумайте.

Иван был благодарен ему за его слова. За тон, каким они были высказаны. За имя, которым он его назвал. И рад был отсрочке, данной на неопределённое время.

– Хорошо. Я подумаю. Но как мне с вами связаться?

– Просто. Позвони по телефону, – Симон назвал номер, Иван запомнил его. Первые цифры подсказали месторасположение АТС – абонент проживал в том же районе, где и Иван. Незнакомцы встали.

Симон – невысокий, аккуратный, с лёгкими ногами.

Дон Севильяк...

Иван всегда таким представлял Портоса, у которого рука была, как сказано в книге, с «лошадиную ляжку». Ноги у дона Севильяка отличались длиной, ровностью и силой. Такие здоровяки Ивану нравились. Да и костюм, вначале показавшийся нелепым, подчёркивал мощь и прелесть фигуры дона. После того как он встал, можно было заметить выглядывающий из-под пояса старинный, с курками и кованым стволом, пистолет, а сбоку – тяжёлые, усыпанные, может быть, драгоценными камнями, ножны с большим кинжалом. Колоритный мужчина. Росту, пожалуй, повыше его, а Иван всегда считал свой рост достаточным для того, чтобы на подавляющую часть людей смотреть сверху – метр девяносто шесть сантиметров.

Иван осмотрел вставших ходоков, оценил.

– Вы уходите, а я?

– Видишь ли, Ваня, из этого помещения просто так выйти нельзя. В нём ни окон, ни дверей. Потому прошу Вас выпить бокал вина. Он стоит рядом с Вами... Ваня! Вам придётся нам поверить на слово. Мы Вас сюда доставили... Да и вино Вам, уверен, понравится. Вскоре Вы будете у себя дома. У Вас ещё впереди выходные дни. До встречи!

От них самих, от пистолета, кинжала, слов о бокале вина веяло романтикой и сказкой. Симон сдержанно кивнул головой, дон Севильяк отвесил поклон в пояс, разметав кудри у самого пола. Жаль, что у него не было шляпы – с громадными полями и пером экзотической птицы.

Иван на мгновение ощутил себя участником славного спектакля. Но главные герои вдруг словно подёрнулись туманом и исчезли из поля зрения. Иван открыл и закрыл рот, проглотил набежавшую слюну и остолбенел на долгое время.

Какой спектакль? Тут впору сравнить с сумасшедшим домом...

Свет в помещении стал медленно гаснуть.

– Эй! – без надежды крикнул Иван.

Голос его отразился от сферического потолка, усилился и затих вместе с тускнеющим до полной темноты потолком.

Осторожно нащупав тонкую ножку бокала, Иван решительно глотнул его содержимое. Вино оказалось необыкновенным, и он с удовольствием допил его.

Иван Толкачёв

Иван Толкачёв был и слыл человеком настроения, а оттого порой сложным в понимании его поступков.

Хотя, наверное, каждый человек так устроен.

Другое дело, что у одного череда разного отношения к окружающим, и к себе в том числе, проходит гладко, без сильных перепадов от одного эмоционального настроения к другому. Но есть такие люди, в ком время от времени, словно что-то ломается. Их поведение и поступки со стороны могут показаться, мягко говоря, странными...

В Толкачёве гармонично уживались такие черты характера, как твёрдость кремня и вялость размазни. Он мог быть остроумным и сказать что-либо не попадая, а то и нелепицу.

Порой в нём всё будто кипело, капли брызгали на окружающих, доставляя им не всегда приятное. Но случались моменты, когда он остывал до холодного желе и впадал в меланхолию. Активность, способная свернуть горы, нет-нет, да и утопала вдруг в откровенной лени и нежелании что-нибудь делать или предпринимать.

Бывали у него периоды искромётной импровизации, нахождения и принятия неординарных решений, однако всё это могло смениться замедленным повторением одного и того же, словно он упирался в стену тупика и – ни с места.

Он обладал великолепной памятью на фоне элементарной забывчивости...

Но главное, что портило ему жизнь, в бытовом её понимании, так это вспышки абсолютной независимости ото всех и вся, выказывание её всякому, будучи при этом резким и безапелляционным, не признающим критики и замечаний в свой адрес. И в то же самое время он мог неожиданно подпасть и оставаться под чьим-то влиянием или убеждением.

Его трезвый ум, всё охватывающий и отмечающий любые нюансы происходящего вокруг него, незаметно начинал анализировать какие-то мелочи, выискивать несущественные детали, привлекать воспоминания. А вокруг могут происходить события и возникать ситуации, требующие быстрой реакции на них. Он же, занятый своими думами, пропускает всё это мимо себя. Так, нередко, он терял нить разговора, поскольку просто не слышал собеседника, занимаясь размышлениями о посторонних вещах...

Это мешало ему жить. И в армии, и на гражданке. Особенно в состоянии независимого, горячащегося и всёвидящего острослова. Но и помогало, поскольку он бывал покладистым, терпеливым и до бесконечности наивным и беспечным.

Всё это в нём воплощалось. И трудно было предугадать, даже ему самому, что в данный конкретный момент станет доминантой в его поведении и словах...

Жизнь прораба не сахар

В понедельник у него на участке произошел несчастный случай.

Монтажник, ведя работы на мачте радиорелейной линии, достаточно опытный, чтобы выполнять монтаж без риска для себя, почему-то вздумал сталкивать бухту кабеля сигнального освещения мачты с одной из площадок ногой. Упругий и тяжелый, извиваясь кольцами, кабель опетлял ногу нарушителя техники безопасности и дёрнул за собой. Монтажник, к счастью, не разбился, но повис вниз головой с переломом в ноге на высоте почти ста метров. Его сняли, отправили в больницу.

Когда Иван примчался по телефонному звонку на станцию, там уже работала комиссия по охране труда из управления. Хотя все бумаги – инструктаж, роспись и другое – были в порядке, Ивану всё-таки высказали много нелестных слов. И подходы к трапу загромождены, и почему монтажники не принаитовываются карабинами к конструкциям мачты во время

работы, и... вообще, когда он наведёт порядок на подведомственной ему территории, чтобы подобных случаев не повторялось?

Обычная суета после того, как что-то уже произошло.

«Хорошо же, – думал Иван, отвечая на вопросы комиссии, показывая документацию, вымучивая объяснительную, поднимаясь на мачту к месту происшествия. – Хорошо же, вот придёт вечер, все от меня отстанут, так я, используя свои способности, вернусь к утру этого злосчастного дня, и разговор мой с пострадавшим, точнее с тем, кто днём соберётся пострадать, будет коротким, но для него памятным».

Наступил долгожданный вечер, однако как Иван не пыжился, как ни старался – ничегошеньки у него не получилось. Он ходил, ложился и вставал. Замирал на месте и подпрыгивал. Дёргал себя за волосы и пристально вглядывался в зеркало. Тщетно!

Впрочем, вообще-то, что-то, похоже, было. Он как будто видел какие-то тени, фрагменты своих действий утром. Или это ему казалось. Уж очень ему хотелось вернуться назад во времени, к утру...

Назавтра, во вторник, состоялось очередное заседание у заказчика. Иван обычно на таких посиделках помалкивал: без него кому было говорить, принимать решения, а потом не отвечать за них. В этот раз его словно кто острым шилом в бок ткнул, поднял и заставил выговориться. В принципе, всё, что он сказал, наболело не только у него. Да кроме дела, он наговорил глупостей, на которые был мастер. Потому-то часто и помалкивал, когда его не просили что-либо сказать.

К вечеру того же дня начальник управления, человек по натуре спокойный и сдержанный, а к Ивану доброжелательный за его рост, начитанность и участие в боях в Афганистане, накричал на него, поскольку дело касалось щекотливых взаимоотношений управления с другими организациями. Его вывело из себя утреннее необдуманное выступление прораба перед заказчиком.

Маленький подвижный начальник бегал перед мрачным и усталым Иваном и, наливаясь краской, выкрикивал:

– Мальчишка! Что ты себе позволяешь? Из-за тебя...

Одним словом, он накричал, а Иван ответил. От всего сердца. Высказал всё о заказчике, об управляющих субподрядчиков и некоторых других личностях.

В среду, в самом начале рабочего дня, когда ещё кровь не успела согреться, позвонили из бухгалтерии и – вполне справедливо – взгрили Ивана за неправильность каких-то оплат в прошлом месяце, а получасом позже Иван узнал, что монтажник Ступаков, краснобай и прощельга, заявился на работу в нетрезвом виде и учинил дебош. Не успел прораб с ним расправиться по-свойски, как по звонку, подобному воплю утопающего, ему пришлось помчаться выяснять отношения с автобазой, не приславшей по договору технику на объект. Потом...

К обеду Иван созрел.

А после обеда намечался новый неприятный раунд с начальником, но вместо этого он движением фокусника подсунил секретарше, милейшей Алле Григорьевне, заявление об увольнении по собственному желанию.

Алла Григорьевна, женщина впечатлительная, к Ивану неравнодушная, едва не свалилась в обморок.

– Иван Васильевич! Ваня, – только и успела она сказать ему в упрёк.

Он подхватил её под локти и силой втиснул в двери, ведущие в кабинет начальника.

Начальник, с видом распаренного любителя бани, выскочил в приёмную. Потряс бумажкой в воздухе и демонстративно подмахнул заявление. И лишь когда Иван на цыпочках уходил, начальник вслед ему бросил нехорошие слова.

А Иван, обернувшись...

Ну, он тоже знал много таких слов!..

По телефонному номеру, данному Симоном, отозвался приятный голос явно немолодой женщины. Иван скороговоркой выложил свое согласие встретиться с Симоном и доном Севильяком. Ему ответили:

– Ждите!

Чего следует ждать, хотелось ему узнать, однако из трубки раздались сигналы отбоя, а на повторный вызов никто не ответил.

...И он ждал.

Весь четверг, и пятницу, и субботу, лишь ненадолго выбегая из дома, чтобы прикупить еды, дабы не прозевать прихода гостей, телефонного звонка от них или простой реализации из небытия прямо в его квартире.

А телефон как взбесился, оправдывая определение самого Ивана: Телефон – это зло!. Звонили с работы, друзья кое-какие, незнакомые, ошибшиеся номером. Одни увещевали, другие бодрими голосами поддерживали в «неравной борьбе», третьи извинялись, уточняли, куда это они попали, и опять звонили...

Такое продолжалось целыми днями. Иван не оставался в долгу: первых, вторых и, тем более, третьих посылал к чёрту и просил к нему больше не звонить. В него словно бес вселился, и он безрассудно жёг за собой мосты с прошлым...

До чего же точно подмечено: нет ничего хуже, чем ждать да догонять. Пытка. Круги ада. Иван ждал...

Иван согласен

– Ну-у, дорогой! Если бы мы, представь себе, в то утро пришли к тебе прямо сюда, наговорили бы кучу непонятностей, поверил бы ты нам? Если честно... То-то! Боюсь, что ты бы вышиб нас из квартиры, а?

Симон, одетый подчёркнуто элегантно в тройку, сидел в своей чинной позе, как монарх на троне. Он обстоятельно отвечал на вопросы Ивана, заданные после того, как они, Симон и дон Севильяк, с шумом и топотом, что в Ивановом представлении никоим образом не могло к ним относиться, ввалились к нему домой субботним вечером и, широко разводя руки прямо с порога, искренне и с приязнью бросились обнимать хозяина.

От них хорошо пахло вином. Дон Севильяк предстал в просторном, прекрасно сидящем на нём костюме цвета морской волны в непогоду и выглядел обычным человеком, правда, уж больно здоровым и большим. Его широкий галстук украшала алмазная заколка, а запонки играли крупными камнями. И весь он был добрым, покладистым и весёлым.

Они пришли к Ивану, словно по-настоящему в гости, как принято у закадычных друзей, точно они знакомы со школьной скамьи. К тому же Симон дважды, подчеркивая это, с улыбкой упомянул полузабытое Иваном собственное школьное прозвище – Грибок, полученное в начальных классах за малый рост.

Иван же встретил их такими словами, мол, товарищи мои новые, забирайте меня со всеми потрохами! Делайте со мной что хотите, так как прораб из меня как из утки селезень, а начальство-то меня не любит и обижает. Монтажники же будто сговорились и норовят меня, бедного, довести до тюрьмы, нарушая правила техники безопасности!

Дон Севильяк смеялся славным, но таким могучим смехом, что дребезжали в окнах стекла, и время от времени ласково отзывался дверной звонок.

Они выставили умопомрачительно дорогой коньяк и непринуждённо, но напористо попросили есть. Иван быстро накрыл на кухне стол и накормил их, чем мог.

Коньяк пошёл хорошо, бутылка большая, так что успели обсудить всё и вся.

Договорились об отказе со стороны Ивана делать самостоятельные попытки перемещения во времени и о том, что с завтрашнего дня у него появится учитель, он всё расскажет,

покажет и познакомит с азами их общего дела – вернее они сказали нашего общего дела – ходьбы во времени.

Так вот после всего этого Иван и задал свои вопросы: для чего это они в прошлое воскресенье устроили цирк – перенос тела, то есть его самого, в другое помещение, отгрохали просторное царское ложе, воскурили дорогие благовония? К чему понадобилось такое странное поведение и одеяние дон Севильяка, показная вспыльчивость и показная же якобы обескураженность Симона от некоторых заявлений Ивана, и тому подобные кривляния?

Вот Симон и принял на стуле позу фараона, отвечая Ивану:

– ...поверил бы ты нам?.. С твоим характером, Ваня, даже близким друзьям твоим трудно, а уж незнакомым и подавно. Мы же тебя изучили, прежде чем придти к тебе. Оттого мы, подумав, решили устроить, как ты выразился, цирк... И признайся, – Симону очень хотелось, чтобы Иван признался, у него даже лицо округлилось, – тебя эта непонятная обстановка потрясла? Да? А вид уважаемого Севильяка убедил тебя в необычности происходящего?.. Ха-ха! И ты поверил нам! Мы всё правильно рассчитали!

Симон залился колокольчиком, дон Севильяк радостно подхватил, вызвав переполох среди слабо устойчивых предметов: всё вокруг задребезжало, зазвонило, затукало.

– Но я вас тоже... Тоже... – напыжившись, Иван, наконец, вставил сквозь смех и своё словечко. – Разговором о терминологии потряс! Ты, Симон, чуть не готов был на меня с кулаками наброситься? А?

Гости рассмеялись ещё веселее.

Захлебнувшись смехом, дон Севильяк парировал:

– Ах, Ваня, мы все твои штучки предвидели.

– Ну да, – усомнился на мгновение Иван и тут же сразу поверил ему.

– Конечно, мы не знали точно, что ты нам преподнесёшь конкретно, но готовы были ко многому. – Иван был восхищен ими, Симон видел его горящий взгляд и продолжал: – Так что мы тебя, Ваня, раскусили полностью, и ты сработал, как сейчас говорят, по схеме. Вот!

– Так вы что, – поперхнулся Иван, – и увольнение мне из СМУ устроили?

Он мог поверить во всё, что они скажут: начальника на него натравили, монтажнику ногу в кабельное кольцо засунули, даже Ступакова подпоили. Да и на него как-то воздействовали, чтобы он поступил так, как им нужно.

– Э, нет. Ты себя, Ваня, плохо знаешь, – Симон укоризненно поднял белёсые брови и погрозил пальцем. – Уж здесь-то мы ни при чём. Хотя догадываемся, как это безобразие выглядело... Рубил сплеча, наговорил сорок бочек арестантов, хлопнул дверью. Так?

– Так, – подтвердил Иван и опустил вниз глаза, в нём шевельнулись остатки совести, о которой он позабыл в эти дни.

Учитель

Он в квартиру Ивана свалился, словно с неба – злой, худой, взъерошенный и дикий на вид.

– Я никогда! – кричал он надсадно и кому-то грозил грязным кулачком жилистой руки. – Я никогда не позволю обращаться с собой как с самым последним вертом!.. Верт проклятый!.. – Он вытянул птичью шею и, глядя куда-то в пространство, по петушину проголосил: – Имею право, имею право!

Иван в это время, с понятным волнением ожидая прихода обещанного Учителя от ходоков, наводил порядок в квартире и как раз домывал пол в прихожей. А это, невесть откуда свалившееся пугало, не по размеру сапожищами топчется по вымытому. На каждом сапоге по пуду грязи или глины какой-то. Отваливаясь от его ног, она летела во все стороны, доставая до стен.

Иван, опешивший от наглости незваного гостя, в сердцах даже тряпкой об пол шмякнул, до того ему было обидно. И незамедлительно подступил к пугалу в рваном одеянии с вполне естественным намерением, то есть, надавать ему как следует по шее и выбросить вон из квартиры.

Первая часть задуманного удалась на славу. Так ему казалось. Однако, похоже, не слишком повлияла на поведение незнакомца. Тот, по-видимому, даже не заметил, что его бьют. Начав выполнять вторую часть намерений, Иван вдруг неожиданно осознал небольшую подробность появления этого чуда в образе человека – он попал к нему не через двери.

Вися в руке Ивана, тот тем временем продолжал вопить в том же духе:

– Вы мне, – орал он, не сбавляя тона, глаза его были безумны. – Вы мне не указчики! Ишь, сколько вас развелось на мою голову! Каждый верт, – им уже в третий раз было упомянуто новое, недавно узнанное Иваном, слово. – Каждый верт барахольный будет здесь надо мной командовать!..

У Ивана мелькнула страшная до неприятности догадка.

Этот... Это... чучело имеет какое-то отношение к нему, вернее к ним, ходокам во времени. Иван засомневался и приостановил свои действия, не зная как поступить дальше.

Тут в дверь позвонили. Иван бросил безумца, тот упал ему под ноги, как только был выпущен из рук. Кто-то звонил не переставая. Иван открыл дверь. На пороге, глыба глыбой, объявился дон Севильяк, густо обросший ржавой щетиной недельного возраста (ещё вчера он был тщательно выбрит), оборванный и злой не меньше первого типа.

У Ивана тоже вскипела злость, подстать их злости. Что это они, решили сделать его квартиру проходным двором? Однако ничего путного он не успел произнести.

Дон Севильяк, невидяще никого и ничего перед собой, оттиснул хозяина в сторону, к стенке, согнулся, чтобы не стукнуться головой о притолоку, и шагнул в прихожую, топоча громадными в глине же сапогами. Грязь полетела комками.

– Ты уже здесь!? – крикнул гигант. Вся квартира дрогнула, на кухне что-то упало и разбилось. У стоявшего рядом Ивана зазвенело в ушах. А, до сих пор лежавший на полу и без умолку изрекающий проклятия человечек, притих. – А ну встань, не позорься! Посмотри, на кого ты стал похож! Стыдно! – Тут же дон повернулся к Ивану и сказал, будто бы он прилично вошёл, поздоровался и продолжил давно начатый светский разговор: – Это, Ваня, твой учитель.

Иван почти с испугом поглядел на огородное пугало, которое ему прочат в учителя.

– Однако... у вас и манеры, – только и нашелся он, как отреагировать на заявление дона Севильяка.

– Его зовут Ка́меном. Ка́мен Са́рый... – Громыкнул: – Ты встанешь? Или тебя поднять? – И опять Ивану задушевно: – Знаешь, Ваня, сколько я с ним за эти дни мучений принял, сколько он мне нервов попортил! – Дон Севильяк от слова к слову накалялся и повышал голос. – Посмотри только на него. Это же нечто невысказанное! Камен, ты слышишь, кто ты есть?

– Я тебе... паршивый... – вяло отозвался Сарый с кислой миной на худом лице.

– Молчи уж, горе моё! – И вновь обратился к Ивану нормальным голосом: – Ты не думай, Ваня, он человек хороший. Не думай о нём ничего плохого. Просто у него иногда такое бывает... Скоро пройдёт. Я же, знаешь, где его разыскал? Естественно! Опять в Фимане! Тёпленького оттуда выволок... Ты... Ты не знаешь, что такое Фиман?

Дон Севильяк выпучил на Ивана безумно-бессмысленные, на выкате глаза, точно увидел его впервые.

!Бандит!» – подумал с некоторым беспокойством Иван, глядя на его обросшие щёки, завитушки волос на кадыке и буйно-волосатую грудь, которая открывалась под бахромой рваной одежды – не то халата, не то длинной рубахи. Иван не мог бы точно определить, как это одеяние могло называться.

С кем это он связался? Погромщики какие-нибудь. Пройдохи, а не ходоки во времени. Или, может быть, они снова представление устраивают? Так зачем? Только вчера обо всём договорились как будто.

В дверь кто-то позвонил. Прежде чем открыть, дон Севильяк, неласково осведомился, будто распорядился в своём доме:

– Кого ещё тут принесло?

«Кто-то из моих соседей», – запоздало подумал Иван и занервничал. Эти двое так кричали, что, наверное, весь дом всполошили...

– Спокойнее, дорогой.

В проёме двери, как на экране телевизора, обозначилась вычурно изысканная, на фоне других участников событий, фигура Симона. Костюм из серой шерсти элегантно облегал его худощавое подобранное тело. Он был в шляпе с большими полями и курил большую сигару. В его руках – трость. Таких Иван никогда не видел, разве что в старых фильмах, – тонкая, изящная, необходимая в руках, затянутых белыми, подстать рубашке, перчатками.

– Нашёл?

Негромко спросил он дона Севильяка между двумя неглубокими затяжками, вернее попыхиваниями сигарой. Из рта он её не вынимал, перебрасывая из одного уголка губ в другой.

От дыма смотрел на всех, прищурившись. Казалось, презрительно.

– Здесь, – отозвался, шумно переведя дыхание, дон Севильяк.

– Из Фимана?

– Оттуда, будь он проклят! Едва дотащил, а он ещё артачится, ругается. И...

– Ну, ну... – пых!.. – дорогой... Я, пожалуй, войду. А ты побейся, переоденься, потом приходи сюда... – Дон Севильяк, не обронив ни слова в ответ, загремел сапогами на лестничной площадке. – Здравствуй, Ваня! – Симон переступил порог, улыбнулся и протянул узкую ладонь в перчатке для пожатия.

– Здравствуйте, Симон.

– Познакомились? – кивнул ходок на «учителя».

– Познакомишься тут, – буркнул Иван не очень вежливо, но без злобы, минутой раньше душившей его. Ему стало даже забавно оттого, что произошло, и он был в праве ожидать продолжения, хотя от недавнего возмущения никак не мог отойти. – Этот... вот, – он ткнул пальцем в сторону Сарья, ставшего вдруг смирным и кротким, – объявился, весь пол перепачкал. А дон Севильяк так тут на него кричал, что, боюсь, на кухне вся посуда разбилась, а соседи мне теперь прохода не дадут, выясняя, с кем это я здесь подрался.

Симон, так и не вынимая сигары изо рта, вежливо нагнул голову с видом: давай говори, я всё выслушаю и вытерплю. Иван же стоял перед ним, элегантно и спокойным, в одних плавках, босиком, непричесанный. Руки мокрые, под ногами грязь и тряпка половая.

Осознав своё положение, он не стал растекаться мыслью по древу, а махнул на всё рукой и пошел приводить себя в порядок, перешагивая через учителя каждый раз, как только надо было проходить из комнаты на кухню и обратно.

Сладковатый дым сигары заполнил квартиру. Иван не курил и не выносил табачного дыма – вечная проблема взаимоотношений с монтажниками. Но сегодня дым его не раздражал, а напротив, приятно щекотал обоняние и успокаивал. Сказал о том Симону. Тот хмыкнул, затушил сигару о подошву сверкающей штиблеты. Пообещал:

– Больше у тебя курить не буду. Приготовь, Ваня, пожалуйста, ванну. Обмоем твоего учителя.

– Что, лучше не могли найти? – Иван помаленьку отходил, и его реплики перешли в ворчание.

Симон почти повторил характеристику дона Севильяка, данную учителю:

– Он учитель хороший, но слегка... как тебе сказать, странноват, что ли при первом знакомстве. Но поверь пока на слово. Как человек и как учитель он хороший. Ты его ещё узнаешь.

– Возможно, – неуверенно отозвался Иван, убирая тряпку и ведёрко с грязной водой.

Учитель стойко сидел на полу, хлопал глазами и молчал. Казалось, он не замечает никого вокруг и не слышит разговоров о нём.

– Ладно уж, – с вздохом согласился Иван. – Будет ему баня.

– Ты потом его тряпье выброси. И дай ему свой спортивный костюм, – Иван даже не удивился осведомлённости Симона о своем гардеробе, – но обуви никакой. Я же пойду, поставлю чай. Его покормить надо.

КЕРГИШЕТ

Сарый, вымытый, причёсанный и порозовевший, сидел на кухне. На нём красовался громадный для него старый спортивный костюм Ивана. На ногах – вязаные носки. Их Иван надевал, делая лыжные пробежки. Учитель пил чай из блюдечка с шумным прихлёбыванием, не забывая вскидывать красивые карие глаза то на Ивана – изучающе, то на Симона – виновато.

Ему было лет под пятьдесят, впрочем, такого сорта людям можно дать и тридцать, если бы не мешки под глазами да не дряблость кожи на шее. Лицо продолговатое и слегка усохшее. Прищур глаз говорил о лукавстве и веселости характера, но ни того, ни другого Иван у него не заметил ни сейчас, в день первой встречи, ни потом, по прошествии многих месяцев обучения. Зато это с лихвой проявилось позже...

Большие воскового цвета уши топорщились под длинными, седыми, редкими волосами. И это всё, что мог бы сказать о нём Иван Толкачёв – его ученик.

Быть может, ещё, что роста учитель, уже без кавычек, среднего, и со стороны казался тщедушным и слабосильным. Как потом убедился Иван, это было обманчивое впечатление: силы Камену у других не надо занимать, своих достаточно.

– Ух! – выдыхал учитель после каждого глотка чая, покрываясь обильным потом.

– Хватит! – нарушил затянувшееся за чаепитием молчание Симон. – Давайте-ка я вас, друзья, познакомлю, так сказать, официально. – Учитель хрюкнул и протяжно всосал в себя чай. – Это, Ваня, твой учитель. Его имя – Ка́мен Са́рый. Псевдоним, а как зовут по-настоящему, он тебе сам, может быть, когда-нибудь расскажет...

– У тебя тоже псевдоним?

У Симона на лбу сбежались морщины.

– И да, и нет. Сегодня речь не обо мне. Я говорю о нём. Это лучший учитель из доступных нам... И вообще, лучший. Во всяком случае, на данный момент. – Симон нахмурился. – Поймёшь позже. А сейчас... Камен, отвлекись и познакомься со своим учеником. – Камен мигнул и без видимого интереса уставился на Ивана. Очередной ученик – какая невидаль, говорил его взгляд. – Камен, перед тобой КЕРГИШЕТ!

– О-о! – Сарый вскинулся, губы его распластались в невыразительной улыбке – первой с момента его появления в квартире Ивана. Сейчас он остро и заинтересованно осмотрел ладную фигуру представленного ученика и со значением, но несложно прокомментировал: – Угу!

– Зовут его Ваней. Иваном Васильевичем, – продолжал знакомство Симон. – Фамилия – Толкачёв. Ты должен научить его движению, выяснишь представление и...

Его перебило неожиданное появление дон Севильяка прямо из воздуха. Симон поморщился:

– Мы же договорились...

Чисто выбритый и вымытый дон Севильяк вновь одет был весьма экстравагантно: какая-то просторная нахальной расцветки длинная рубаха навыпуск под серым истрепанным пиджач-

ком, прикрывшим лишь его спину и руки до локтей. Значительные ягодицы гиганта рискованно обтягивали то ли бархатные, то ли ещё какие ярко зеленые штаны по щиколотку. Башмаки на высоком каблуке надеты на босую ногу.

– У меня кто-то был, – игнорируя слова Симона, густо пророкотал он и, позабыв обо всех, схватил с подоконника пластмассовую вазу.

Тряхнув и мощно дунув в нее, якобы почистил, налил в неё чаю. Иван вспомнил, что вазу ему подарили лет десять назад, и она никогда внутри не мылась. Но предупредить не успел.

– Интересно, – задумчиво проговорил Симон, брови его заломились. – Я посмотрю, кто там у тебя был... А что-нибудь?..

– Не было там ничего! Перевернули вверх дном, порвали всё и попортили!

Дон Севильяк пил огромными глотками, не обжигаясь крутым кипятком. При этом сопел как паровоз под парами и упрямо избегал смотреть на Ивана. Он явно был расстроен, и как ни старался казаться если не равнодушным, то хотя бы спокойным, его по-рачьи выпуклые глаза, мимика и жесты выдавали с головой.

Иван встревожился.

– Что-нибудь произошло? – осторожно поинтересовался он, уверенный в своей причастности к событию.

Дон Севильяк отвернулся.

– Нет... Пока нет. – Симон прищурил один глаз, будто прицеливался, посмотрел в сторону Ивана долгим взглядом. Привычным движением потёр колени ладонями. Вытянул губы в трубочку и пожевал их. – Впрочем... – что-то решив про себя, заключил он, – вскоре я тебе, Ваня, кое-что расскажу, а пока что это... несколько преждевременно. – Он помолчал и, словно отбросив все мысли о случившемся с доном Севильяком, отрубил: – Успеется!.. Пока поговорим о другом. Итак, Ваня, Сарый будет жить у тебя. Слышишь, Камен?

– Как не слышать? – пробормотал Сарый, выхлёбывая, наверное, двадцатое блюдо чаю. – Вас послушаешь, так лучше здесь отсидеться. Да и КЕРГИШЕТ всё-таки... Интересно. Но сам знаешь, как оно бывает.

Симон недоверчиво хмыкнул.

– Проследи, Ваня, чтобы он на улицу пока не выходил. А чтобы отсюда куда-нибудь не улизнул, никакой обуви, как я тебе уже говорил, ему не давай. Знаем его... Впрочем...

Симон на некоторое время замолчал, чем воспользовался Сарый.

– Ну, что ты говоришь? – отбился он от наговора и налил себе новое блюдо.

– То и говорю. А это вот, Ваня, на твоё и его кормление.

Так и сказал – на кормление, и подал Ивану толстенную, листов на пятьсот, пачку денег. Крупными купюрами.

От их вида у Ивана, не привыкшего к таким суммам, появилось смутное подозрение о деятельности всех этих ренков и вертов, в том числе сидящих рядом с ним.

Выросший в достатке, он, тем не менее, цену деньгам знал. Поэтому отметал все выгодные, как некоторым казалось, предложения для получения легких денег, самих плывущих в руки во время внезапно наступившей в стране неурядицы в обществе и экономике. Боялся скатиться до животного состояния нувориша.

Потому он, беря у Симона пачку, замешкался. Симон заметил его состояние.

– Бери, Ваня, – сказал он твердо. – Мы твоё, мягко сказать, негативное отношение к ним знаем и одобряем. Но этими не брезгуй. Они того не стоят... Эти деньги чистые, если хочешь, и не связаны ни с какими тёмными делишками или преступлениями.

– Сразу видно, зарплата, – съязвил Иван, не зная как ему поступить в данной ситуации.

Дон Севильяк, похоже, позабыл уже о своих бедах и от предположения Ивана о зарплате заготовал. Сарый от неожиданного грохота выронил блюдо и, обжёгшись горячим чаем, подпрыгнул.

– Без ехидства не можешь? – осуждающе покачал головой Симон. Повернулся к дону. – А ты прекрати!

Дон Севильяк сразу остыл. Он смотрел на товарища, рот его ещё был открыт для хохота, но ни один звук не вылетал из него, словно их там, глубоко в горле, придавили, заткнув все выходы.

– Да, Ваня, это зарплата. В основном, Сарью за твоё обучение. И плюс твоя стипендия. Устраивает?

– Вполне, – промямлил Иван. – Спыхватился: – Что я с такой уймой делать буду?

Симон, вдруг, простецки почесал затылок, что совершенно не вязалось с его аристократичной внешностью и поведением.

– Найдёшь. Питайся сам и корми Камена, как следует, обнови гардероб... Что ещё? Ну, перестань, Ваня. У нас такие ставки. – Симон встал. – Нам пора. На днях к вам ещё заглянем, посмотрим, как тут у вас идут дела. До свидания, Ваня! Камен... Ты должен его научить как можно быстрее.

– Быстро, знаешь, что делается? – сварливо откликнулся учитель.

– Всё-таки, от тебя многое зависит.

В дверях Симон обернулся:

– Ни пуха, ни пера!

– К чёрту! – без энтузиазма поддержал его расхожей фразой Иван. Настроение у него ухудшалось с каждой минутой.

Сарый продолжал пить чай и после ухода Симона и дона Севильяка, потребляя немеренное количество сахара.

«Вот куда пойдут деньги», – подумал Иван с неприязнью.

Уроки ходьбы во времени

День и ночь в представлениях Ивана слились в единое понятие, так как Сарый не признавал ни их различия, ни времени вообще.

Вначале ученик дурел от его выходов, бестолковых и бессистемных, с его точки зрения, занятий и знаний, которыми его пичкал учитель. К таковым относились:

аутогенная гимнастика, так её называл Сарый, а ещё – предваряющей;

плоские анекдоты из жизни давно умерших людей, от которых, анекдотов имеется в виду, Сарый был в восторге;

гипнотические сеансы, когда у Ивана раздваивалось сознание не оттого, что это как-то воздействовало на него, а от занудности учителя и его веры в свои возможности на этом поприще;

уроки тарабарского языка ходоков во времени, быстро выученного Иванам, отчего Сарый не мог успокоиться и пытался начинать всё с начала;

основы каких-то несуществующих географий, топографий и тому подобное, не всегда понятное, но всегда легко осваиваемое учеником.

Кроме того, от его бесконечных чаепитий, разглагольствований и беспардонного поведения.

Ивану к тому же начинало казаться, что Сарый не спал вовсе и к этому же принуждал ученика, хотя на самом деле, ходок во времени только и делал, что спал подобно сурку зимой, но урывками и беспорядочно. Иван привык и знал свои потребности спать без перерывов часов восемь, только тогда он чувствовал себя человеком в силе, способным неумоимо ходить, бегать, работать, не злиться по самому незначительному поводу, воспринимать любой сложности информацию и кое-что соображать.

Каждый раз, когда, по мнению Сарыя, наступало утро, вне зависимости от часа суток, он поднимался с постели. В течение нескольких минут проводил необычную разминку. Так он называл медленное своё исчезновение из поля видимости – вначале его тщедушная фигура светлела и становилась схожей с изображением на негативе, выцветала и, просуществовав мгновение размазанной серой тенью, смешивалась с окружающим воздухом и пропадала, как будто её никогда и не было в комнате. Проходило несколько мгновений, он появлялся, проделывая всё в обратном порядке.

Поначалу его разминка Ивана слегка волновала, он переживал за Сарыя, потом поприрек, справедливо считая, что у каждого свои недостатки. Если учителю нравится поступать именно так, то, какое дело до этого ученику?

Однако недели через две-три, Сарый, как у них теперь повелось, повелительно почирикая, объявил Ивану, дабы он внимательно следил за его странными упражнениями, а не кривил рожу от занятий. Так и сказал – рожу. К тому времени от недосыпания, постоянных упрёков и оскорблений, занятий языком ходоков во времени, возникшем ещё тогда, когда люди и говорить-то не умели по-настоящему, и всякой другой нелепицы, Иван был доведён, как говорится, до ручки и безо всякого умысла пропустил мимо своего помутнённого сознания повеление учителя.

Это был тяжелый день в его жизни. В Афганистане, даже в бою, было легче. Там враг, с тобой друзья, а тут...

– Таких ослов, – капризно повизгивая, кричал учитель, трясая заметно пополневшими щеками, – нужно учить переходу из настоящего на дорогу времени как щенков плаванию. Бросить в воду на глубину – и всё! Жить захочет, выплывет. Кретин!.. Бестолочь!.. Межеумок!..

Другие звания, присваиваемые учителем ученику, следует оставить в стороне, дабы не поощрять иных к их произнесению.

Иван стал следить за его разминкой. И что же? Поток оскорблений не только не уменьшился, но приобрёл новые краски и эпитеты. Как только и кем только он не был обозван...

Однако удивительным было не отношение учителя к нему.

Удивлению достойно было то, как это он, Иван Толкачёв, вечный поборник личной свободы, терпел словесные выпады и щелчки в свой адрес? Если бы ещё всего какой-то месяц назад ему сказали, что кто-то покусится на его личность и будет себе позволять такие высказывания, а с его стороны не последует отпора, то он бы нашёлся, как доказать обратное... А сейчас беспрекословно соглашался с учителем и вместе с ним сам себя считал именно таким, и ни на йоту лучше. Более того, он старался неукоснительно исполнять его прихоти и в этом, порой, даже находить удовлетворение. Ему иногда даже казалось, что он плохо выполняет наставления учителя и неправильно оценивает его выкрутасы.

Итак, он стал следить за утренними (в кавычках, ведь это могло быть в любое время суток, а не утром) развлечениями учителя. А тот наговаривал ему одно и то же: – и тупица, мол, ты, и в школе тебя надо драть было, а то, что его ученик осёл, дубина и лентяй, так это перешло в разряд милой ласки доброго папаши, любовно журащего нерадивое своё дитяtko.

Прошла ещё неделя. У Ивана не было времени вздохнуть, осмыслить происходящее: – недосыпал, что-то делал по указке Сарыя, поил его чаем, бегал в магазины за едой...

С едой и беготнёй по лавкам – беда! Учитель ел за пятерых. И сколько бы не приносилось домой еды, её хватало от силы на день.

Выглядело это так: в магазин вбегает взъерошенный, плохо выбритый, с провалившимися от бессонницы глазами и высохший от трудов человек, одетый кое-как (дважды босиком, на позднюю осень, глядя, а однажды – без брюк), и, рыская безумным взглядом, покупает всё съестное, что подвернётся под руку, и засовывает в громадную сумку.

Слава об Иване быстро распространилась по округе. Всякий пытался поздороваться, разрешали ему бесцеремонность. Один раз Иван слышал, как кто-то многозначительно сказал:

«Гений!» Два раза: «Изобретатель!» И много раз: «Парень с приветом, а здоровый. С ним лучше не связываться...»

Он был взвинчен, опустошён душевно и крайне обессилен физически. При взбегании по лестнице на девятый этаж стал ощущать одышку. До того лифтом никогда не пользовался, теперь нет-нет, да и входил в кабину. Всё чаще он ловил себя на мысли о собственной бестелесности, думал о себе как о существе, способном взлететь, которому нужна одна последняя подсказка или незначительный намёк, – и оно полетит наверняка или совершит какой-нибудь нелепый или иррациональный поступок.

Сарый, по-видимому, к тому и стремился.

Такова была обстановка после месяца «учёбы»...

Как вдруг в одно прекрасное «сарьевское» утро (на улице, быть может, стоял вечер, или светило солнце, а то и тянулась ещё глухая ночь), учитель встал с постели. (Он спал на диван-кровати Ивана, а ученик ютился при кухне на полуразорванной раскладушке: даже с деньгами купить что-либо поприличнее он не сумел). Встав, он ласково засмеялся, потянувшись и поднявшись на цыпочки, похлопал ученика по плечу лёгкой ладошкой, будто потрогал монумент, и сказал нормальным человеческим голосом, без чириканья, свары и спешки:

– А что, Ваня, нет ли у тебя желания подвигаться во времени?

И счастливо так и понимающе глянул на него выразительными карими глазами.

– ???

А что мог сказать ему в ответ Иван?

– Представляешь, Ваня, – продолжал учитель свой необычный монолог – доброжелательный и откровенный, – мне вот всегда хочется ходить во времени... Тебе, возможно, покажется смешным, но я вижу смысл своего предназначения в движении во времени... Как ты думаешь, прав ли я?

Сбитый с толку, Иван пожал плечами и невразумительно что-то ответил на неожиданное просветление и признание учителя.

– Не притворяйся, Ваня, – излучая каждой чёрточкой лица благожелательность, проговорил Сарый. – Ты меня прекрасно понял... А дуешься... А дуешься-то!.. Ваня! Зачем?.. Ты же умный парень. Ты даже не знаешь, какой ты умный. А потому попробуй сегодня со мной сделать разминку. Я надеюсь, у тебя всё славно получится. Поверь, ты уже к этому готов. Прислушайся к себе как следует. Ну, ну... Слышишь?

Его мягкий голос, добрые глаза с хитринкой и предложение сделать с ним разминку без криков и оскорблений выбили Ивана из седла настроений последнего времени. Он обмяк и готов был поплакать.

Чтобы не допустить этого, закусил губу.

– Ну что ты, Ваня, право? – заметил его состояние Камен. – У тебя в твоей прежней жизни были не менее сложные периоды. И ты, я знаю, ни разу не дрогнул... Успокойся и настрой себя на работу. Да, Ваня, на работу. Пойми, всё, что ни делалось, всё ради тебя, для твоего раскрепощения и раскрытия способностей.

– Тоже мне метод, – буркнул Иван, не поднимая головы. – Пять лет жизни мне стоило. Коту под хвост!

Сказал, посмотрел на обиженное лицо учителя и почувствовал себя виноватым и грубым.

– Извини... Учитель! – Приложил руку к груди и через силу улыбнулся. – Что будем делать?

Сарый фыркнул с присвистом и повторился, уже без всяких сантиментов и коротко:

– Попробуем вместе с тобой сегодня подвигаться во времени. Я считаю, у тебя получится. «Легко ему сказать: – попробуй и получится», – мрачно подумал Иван.

Первое составляющее фразы – разговор для слаонервных. Попробуй, чтобы удостовериться в способности, а само слово это связано с глаголом несовершенного вида, во всяком

случае, задумаешься: выйдет прок из этого попробуй или не выйдет? Зато вторая часть – получится – вселяла надежду и желание попробовать.

– Делай как я! – произнёс учитель литую армейскую фразу, когда Иван обрёл относительное спокойствие и в непонятной ещё для него последовательности сделал руками хитроумные пасы, способные вогнать в тоску любого, тем более Ивана. Он их уже насмотрелся за время, проведённое рядом с учителем, до мозолей в глазах. – Делай как я! – повторял Сарый.

Ученик старался полностью повторять все его телодвижения, хотя в душе совершенно не был уверен в целесообразности Сарыевских поз – ноги так, руки – эдак. Шаманство какое-то! Два притопа, три пришлёпа. Будто на дискотеке.

Разминка в том же духе продолжалась минут пять.

Вдруг Сарый прикрикнул повелительно:

– Не отставай!

И начал блекнуть на фоне обстановки комнаты. Сквозь него стали просматриваться до того заслоняемые им же половинки телевизора и кресла.

Иван напрягся и... привёл его изображение к естественному состоянию.

Впрочем, напрягся – мало что сказать.

На самом деле Иван почувствовал, как в нём словно всё сместилось под напором посторонних сил, хотя ощущал в них и своё присутствие. Свои силы, которые повелевали и помогали сделать всё точно так, а не иначе, и привели в действие скрытые пружины его бытия во времени. Все остальные чувства, как показалось Ивану, оставались прежними. Правда, они особо его не особо занимали в данный момент.

Сарый коротко одобрил: «Хорошо!» – и внимательно осмотрел ученика с ног до головы, как будто подвергая контролю на наличие у него всех частей тела.

Его одобрение означало, что Иван, также как и он, двинулся сам собой по оси времени, отставая от его нормального течения. Оно для него перестало существовать, зафиксировалось в нулевой точке отсчёта.

– За мной! – с расстановкой позвал Сарый, вновь осветляясь. Это он двинулся в прошлое. – Пошли, Ваня, пошли... – долетело до ученика затухающее приглашение.

Сарый исчез, а Иван остался один, погруженный в какую-то неясную, неосязаемую пустоту. Завис в белёсом мареве. В нём самом пропало внутреннее напряжение, помогавшее вначале двинуться с мёртвой точки в деле хождения во времени. Иван застыл в оцепенении, боясь вздохнуть. Как же он теперь? Здесь? Один?..

Рядом наметилась тень, загустела, обрела плоть учителя. Он был взбешён. Куда только подевались его недавняя теплота и доброжелательность!

– Во времени, Ваня, ходить надо! – сварливо высказался он. – А ты тут обыкновенным болваном стоишь.

Иван беспомощно потоптался на месте, показал – вот, мол, хожу, а какой толк?

Учитель, глядя на его потуги, заверещал от смеха и переломился надвое, изображая необыкновенное веселье.

– Идиот и болван! – восхищенно изрёк он и потом ещё несколько раз повторил оскорбление на все лады, при этом кругами ходя вокруг ошалевшего Ивана и рассматривая его как памятник. Наиздевавшись вволю, проговорил вполне серьёзным голосом: – Ну, хорошо. Стой, как стоишь. Посмотри хорошенько, что ты видишь вокруг?

– Ничего, – охотно и категорически признался Иван, так как, и вправду, кроме каких-то клубов в светлом мареве, ничего не видел.

Будто парящий утренний туман над озером.

– Так уж и ничего, – погримасничал Сарый, выражая сомнение. – Ты ещё раз осмотришь и спокойно разберись в обстановке.

Всё-таки, отметил Иван, учитель где-то нахватался армейских словечек.

– Туман, – неуверенно отозвался он на его уговоры.

– Хм... – Сарый надолго задумался. – Это уже... кое-что. А ты говоришь – ничего. Туман – это нечто. Ну, а ещё что?

По настоянию учителя Иван основательно и без спешки осмотрелся: туман был, клубы его тоже были, но создавалось впечатление его текучести. Он стекал откуда-то сверху, падал к ногам и, стелясь вниз, уплывал в неизвестность.

Стена тумана?

Да, это была стена тумана, и она, едва заметно для глаз, отступала, оголяя подстилающую поверхность, на которой стоял Иван. Понять, из чего она состоит, он не смог, но подумал – обыкновенная земля.

В стороне, противоположной стене тумана (Иван повернулся и посмотрел), ему открылось... Он с сомнением перебрал слова, дабы определить для себя, что же перед ним такое распахнулось. Открытое пространство, простор, ширь, даль?... Поле? Нечто похожее на поле. Границы его терялись где-то вдаль, неведомой ещё для Ивана. А там, на пределе видимости, как будто громоздились высоченные горы.

Сарый, склонив голову на плечо, выслушал наблюдения ученика со всем вниманием, ни разу не перебив его, и вздохнул:

– Похоже... Так и должно быть. О КЕРГИШЕТЕ так и говорили.

– Обо мне? – вскинулся Иван.

Сарый моргнул, однако на заинтересованный вопрос воспитанника не ответил, а предложил:

– Вот, давай-ка, и пройдемся с тобой по этому, как ты изволил сказать, полю. И сказал правильно. Это поле ходьбы. Оно ровное?

– Как стол.

Поле выглядело ровным, словно по нему вначале прошлись бульдозером, а потом прижали тяжелым катком. Во всяком случае, так оно и было, куда доставал взгляд Ивана.

– Что ж, и такое представление похоже... – Сарый поджал губы. – Пойдем, что ли?

Пока они разговаривали, Иван испытал до конца завладевшей им уверенностью в способности подчиниться любому приказу учителя. Он теперь наверняка знал, как надо ходить во времени.

Он не смог бы описать вдохновляющее чувство уверенности в себе. Ему просто показалось правильным, что если он чуть-чуть напряжётся, на мгновение перехватит дыхание и слегка развернёт левое плечо вперёд, то всё получится, как следует. Поэтому, когда Сарый предложил пройтись, он тут же без малейшего замешательства двинулся за ним в прошлое.

Учитель тут же пробурчал нечто невразумительное и цепко ухватился за руку ученика.

– Не так быстро, Ваня... – Сказал он минутой позже. – Да, вот что. Если потеряешься... Ну, мы вдруг с тобой разъединимся и потеряем друг друга из вида... Так ты не суетись, а стань на месте и не сходи с него... Так... Не торопись, прошу... – Сарый тяжело задышал. – Мне за тобой, похоже, не угнаться. У тебя под ногами стол, а у меня камушки.

– Какие камушки?

– Долгий разговор, Ваня. Потом, потом.

Так они и шли.

Как будто шли.

Иван спокойно переставлял ноги по ровной местности – ни бугорочка, ни ямки. Сарый время от времени подпрыгивал и оттягивал руку ученика, порой почти повисая на ней. Его вес не слишком утруждал Ивана, зато занимало другое: зачем он это делает? Может быть, и ему стоило так подпрыгивать, но замечаний со стороны учителя не поступало. Сарый при каждом своём прыжке лишь с хитрецей посматривал, как ученик на все его непонятные движения реагирует.

– Шаги считаешь?

– Н-нет, – оторопел Иван.

– Зря!

– Так сказать надо было, – искренне выразил своё недоумение ученик.

– А самому не догадаться. Думай!

Не-ет, с Сарыем по душам не поговоришь, пришёл к окончательному и огорчительному выводу Иван. Ведь думай, не думай, а уж если не знаешь, о чём надо думать, то ничего нужного не надумаешь, будь ты хоть семи пядей во лбу. Откуда ему знать о необходимости считать шаги? Что-либо постоянно считать – признак шизофрении, а у него, слава богам своим и чужим, её как будто нет.

Иван толково разъяснил учителю пришедшую в голову правильную, по его убеждению, мысль о вреде ведения счёта шагов, окон, встречных людей и прочая. Сарый засмеялся по-детски радостным смехом и ещё крепче вцепился в Иваново предплечье, полностью повиснув на нём.

– Хватит на сегодня, – наконец сказал он. – Лет на три с половиной тысячи с большим довеском назад ушли. У меня камушки пошли крупнее. А как у тебя? Что видишь?

– Да всё то же самое... Поле.

– Посмотри-ка, далеко ли мы отошли от той стены тумана, о которой ты говорил?

Иван оглянулся. Трудно, конечно, в необычном состоянии оценить расстояние, пройденное по дороге времени.

– Метров... может быть, сто с небольшим, – поколебавшись, предположил он, не уверенный в таком измерителе, как метры.

Однако Сарый против таких единиц измерения на дороге времени не возразил, а вздохнул в очередной раз, как будто с ним поговорили о не совсем приятных вещах.

– У тебя, Ваня, запас, что надо, – сказал он не без скрытой зависти. – А до гор твоих ещё далеко?

– До них... Я не знаю, как считать. В Афганистане я бы сказал, что до них километров двадцать пять или тридцать, а мы прошли всего ничего, – не совсем понимая его любопытства, беззаботно отозвался Иван.

– Да, запасец у тебя... – повторился учитель и вновь тяжело вздохнул. – Ладно! – произнёс он, как бы уговаривая себя самого. – Теперь обрати внимание на наши следы. Ты их видишь?

– Следы?... Нет.

Иван думал увидеть отпечатки ног, хотя бы своих. За ними поле ходьбы оставалось идеально чистым. Он приподнял ногу, чтобы убедиться в отсутствии следа даже здесь, под ним.

Сарый скривил губы, сделал: – Ц-ц-ц!

– Ваня, это не обязательно... – начал он, когда Иван уже сам заметил тонкую едва заметную светло-серебристую нить, связавшую его с недалекой стеной тумана – от прошлого к настоящему.

– Вижу!

– Ниточка, значит. – Сарый усмехнулся. – Вот и веди меня по ней обратно.

Возвращался Иван с большей уверенностью, чем когда делал первые шаги по дороге времени. Сарый подсказывал:

– Идём правильно. Запомни, Ваня, точка касания твоего следа со стеной – твоя комната в том настоящем, которое наступило, пока ты в ней отсутствовал. Понимаешь меня? – Иван понимал и согласно кивнул головой. – След твой, по-видимому, недолговечен. Думаю, ты научишься вскоре возвращаться домой и без него...

Внезапно Сарый повис на руке Ивана. Его словно подхватил могучий вихрь – тело учителя мотнулось флажком.

Чёрная туманная тень с рёвом пронеслась мимо куда-то в сторону гор доступности, как пояснил до того Сарый, в Ивановом поле ходьбы. Вся округа поля, только что ватно-беззвучная, отозвалась затухающими ударами, будто били в железную обшивку большого короба.

– Носит их! – взвизгнул Сарый, обретая возможность стоять на ногах, а не болтаться подобно тряпке на палке, которой гоняют голубей.

– Что это? – Иван не успел испугаться, занятый тем, чтобы удержаться и не упасть самому и учителю.

– А-а... У Симона спроси, – Сарый мёртвой хваткой держался за ученика и говорил так, как если бы его кровно обидели.

«Кто-то за ним охотится, или за нами», предположил Иван и непроизвольно поёжился. Огляделся – поле опять помертвело и оглохло.

– Спрошу, но всё-таки?

– Носит их, – уже спокойнее буркнул Сарый и чуть разжал пальцы.

– Тайна?

– Какая тайна? – неожиданно взорвался учитель. – Никаких тайн. Пронесётся такое, так из поля ходьбы выскакиваешь, куда попало... Они из будущего. Люди на аппаратах времени в прошлое ходят. У нас с ними договор, где они могут нестись на своих аппаратах. Так они... Видишь, нарушают...

– Неужели машина времени? – обрадовано воскликнул Иван. – Значит, всё-таки изобретут машину времени?

– Аппаратчики, Симон говорит. Их так зовут.

– Вот здорово!

– Чего радуешься? Ничего здорового.

– Ну почему же? Вы с ними в контакт-то вступаете? В прошлом или здесь, в настоящем?

– Попробуй! – Сарый помолчал и задал, по мнению Ивана, странный вопрос: – Зачем?

– Как зачем? Это же... Люди из будущего! Любопытно же поговорить. Узнать у них обо всём, что будет, а для них, что было. Разве не интересно?

Пополневшие щеки Сарыя опустились, он весь поблек и стал ещё ниже ростом.

– Не думаю, Ваня. И потом, в будущем не так уж... – Сарый осёкся. – А наскочит на тебя такой вот аппаратчик, то будет тебе любопытно.

– А что, наскакивали уже на кого-нибудь?

– Нет будто бы, – засомневался Сарый. – Ты, Ваня, ни о чём меня больше не спрашивай. Я учу тебя ходьбе во времени. И всё! Симон захочет, расскажет. А сейчас возвращаемся домой.

Они проявились в квартире Ивана в том же самом месте, откуда уходили в прошлое. Знакомые запахи, вид обстановки, книжных полок, картина жизни города за окном – смутили мысли Ивана. Всего в нескольких шагах по дороге времени ничего этого ещё не существовало, так как дом был построен лет десять тому назад, а каждый его шаг мог равняться почти тем же самым десяти годам в поле ходьбы...

Сарый притворно бурчал, что с Иваном нет интереса и смысла заниматься всякими глупостями, как-то: изучать систему координат, принятую у ходоков, устанавливать для него на дороге времени пространственные ориентиры, что приходится делать при обучении других учеников, которые когда-то были у него. По его словам выходило – Ивану оставалось только лишь подсказывать что-либо о возможностях проделать то или иное, а он уже безо всякой, необходимой в обычных случаях, подготовки мог выполнить любое действие во времени и пространстве.

В том убеждался и Иван, с каждым разом всё увереннее и увереннее становясь на дорогу времени и двигаясь по ней.

И всё-таки...

– Многое ты. Ваня, можешь, – как-то за чаем тусклым голосом объявил Сарый, – однако не всё-ё... Есть и у тебя общая для всех ходоков неспособность. Тебе, как и всем нам, не преодолеть стены.

– Не понял, – отозвался ученик, ставя на стол кружку с чаем, чтобы не отвлекаться, поскольку теперь, когда он научился ходить во времени, очень был заинтересован во всех замечаниях учителя о своих способностях это делать.

– Видишь ли, Ваня, для нас, ходоков, замкнутые пространства... – Сарый пожевал губами. – Скажем, твоя квартира открыта для входа непосредственно только из прошлого. Из того прошлого, когда стен, замыкающих пространство квартиры, ещё не было.

– А в дверь?.. В окно?..

– Это, пожалуйста. Если, конечно, они в том промежутке времени, когда ты захочешь попасть в помещение, существуют и, к тому же, приветливо раскрыты и ты можешь через них войти вовнутрь или выйти. Я же имею в виду нашу способность проявляться в самом замкнутом пространстве при выходе в реальный мир с дороги времени.

– Это что же, – засомневался Иван, – если моя квартира появилась десять лет тому назад, то проникнуть в неё с дороги времени можно лишь с глубины прошлого в те же десять лет? А, например, в пирамиду Хеопса, в её пустоты, только начиная движение к настоящему со времени её строительства?

– Ты всё правильно понял.

– Интересно... Значит, хочешь попасть в помещение, то... не знаю, как сказать... э-э... поднырни во времени под его стены или ограды?

– Так, Ваня.

Учителю он, конечно, поверил, но столько до того уже наслушался о себе лестного, что решил проверить его слова на деле – попробовал войти к себе домой в близком к настоящему времени прошлом.

Не тут-то было! Ничто не предвещало как будто закрытия, как говорят ходоки, точки выхода-входа, называемой точкой зоха. А тут оно возникло непреодолимым идеально обработанным столбом, толстым пальцем уходящим в ровно освещённое небо. Верхушка столба, если она и была, терялась на светлом фоне. Иван с бессильным недоумением походил вокруг него – закрытие оказалось мёртвым. Столб, а в нём как раз вход в его комнату. Бетонные стены жилища превратились в неодолимый монолит. Осознав тщетность своей попытки, он сместился во времени в прошлое, а потом уже проявился в комнате.

Можно было бы сместиться в пространстве и проявиться у подъезда дома, в котором он жил, но не рискнул. Кто-нибудь обязательно увидит, разговоров не оберёшься, да и Сарый советовал этого не делать.

Встретив его, учитель хитро улыбнулся.

– Ну и что? – независимо прокомментировал его усмешку Иван. – Доверяй, но проверяй.

– А я, Ваня, сам такой. Мы с тобой друг друга стоим.

Нет уж, – хотел отместить подобные подозрения ученик, однако промолчал. Может быть, учитель прав. Ведь не даром говорят: с кем поведёшься, от того и наберёшься. Сам свои чудачества всё чаще отмечал, так чего отнекиваться от слов Сарыя?

Ходоки во времени

Однажды вечером наконец-то объявился Симон.

Прошло уже месяца полтора или того больше обучения, но это было его первое появление, хотя, как помнилось Ивану, он обещал приходить чаще и справляться о его удачах или неудачах. Правда, Иван подзабыл те посулы за суетокой дней и ночей, преподнесённой Сарыем. Хорошо ещё, что время от времени их посещал дон Севильяк. Он что-то громко рас-

сказывал, бесподобно хохотал, хлопал ободряюще по плечу ученика и уходил, оставляя того с опостылевшим учителем.

Симону Иван обрадовался будто родному. Начал бессвязно рассказывать об обучении и исподволь жаловаться на учителя, который стоял рядом и помалкивал.

– Не ябедничай! Всё делалось так, как нужно, – едва послушав его, отрезал Симон и добавил тоном, не терпящим пререканий: – У нас с тобой сегодня будет разговор совсем о другом.

Сарый на первую реплику Симона расцвел в улыбке: как же – похвалили. Его глаза излучали торжество. Вздёрнув лицо, он выразительно посмотрел на ученика, получившего по заслугам за непочтительное отношение к нему, к Учителю, но тут же увял под холодным взглядом Симона.

Выглядел Симон неважно. На его интеллигентном лице отразилась усталость много поработавшего человека, и ещё не пришедшего в себя; он ссутулился, опустил плечи. Тем не менее, одет был, как всегда, безукоризненно и с иголочки: старомодная тройка придавала его аккуратной фигуре лёгкость и определённый шик. Так, наверное, одевались в двадцатых или тридцатых годах двадцатого века щёголи Варшавы или Парижа. Из кармашка жилетки свисала тяжёлая цепочка от часов, Иван узнал чуть позже – массивного золотого брегета.

Сарый затаился мышью, сделался виноватым и предупредительным. Они с Симоном перекинулись между собой несколькими словами на неизвестном Ивану языке. После чего учитель заулыбался, опять посмотрел на ученика с вызовом и исчез из поля видимости – стал на дороге времени, даже не простившись.

Иван дёрнулся и с трудом подавил в себе желание последовать за ним в прошлое: таким заразительным был уход Сарыя из реального мира в поле ходьбы.

Его порыв не ускользнул от внимательного взгляда Симона и вызвал у него мимолётную понимающую улыбку.

Расположились на кухне. Иван выставил на стол немудрёную снедь, что осталось от прожорливого Сарыя: кусочки колбасы и сыра, пакет молока, луковицу и хлеб. Симон ел с аппетитом, культурно, не то, что Сарый, а, насытившись, поблагодарил и помог прибрать со стола.

После он принял излюбленную позу. Такие позы были типичны, по представлению Ивана, у самодовольных монархов, да у людей с большим позвоночником: прямо, чинно, кисти рук на коленях.

Не мешкая, Симон приступил к делу, ради которого пришёл.

– Мы называем себя, как ты знаешь, ходоками во времени, – потирая колени ладонями, негромко начал он разговор, даже не разговор, а монолог. На Ивана он не смотрел. Создавалось впечатление его неловкости перед ним из-за мучительного поиска нужных слов для понятного и связного объяснения неведомых ученику сведений и понятий. – Достоверно, Ваня, неизвестно, как много нас – ходоков во времени. Тут разные причины. Так, например, не всякий знает или догадывается о своей прирождённой предрасположенности к передвижению во времени. Не знает он, не знаем и мы, то есть подсказать такому человеку некому. Так и умирает он в неведении о своих уникальных способностях, а ведь такое, Ваня, бывает у одного лишь на многие миллионы и миллионы людей Земли... – Симон помолчал, прикрыл глаза, словно прислушался к сказанному. Ещё раз напомнил: – Да, на миллионы! К тому же иногда даже знающий о своих способностях боится по различным причинам воспользоваться этим даром... Ну, мало ли что удерживает их от такого соблазна. Да, да, Ваня, именно, от соблазна! Ты тому пример... Продолжай, продолжай, ты мне не мешаешь, – поощрил он, когда Иван, внимательно слушая его, машинально взял гантели и сделал несколько заученных движений.

– Ходоки во времени, с точки зрения движения по дороге времени, бывают разными, – продолжал Симон, наблюдая за его упражнениями. – Некоторые очень свободно проникают сквозь время, мало ощущая его вязкость. Таких ходоков мы называем ренками. «Ага!» – отме-

тил про себя Иван и положил гантели. Слово это ему хорошо было знакомо от Сарыя, да и Симон при первой встрече его упоминал. – Вот я и твой учитель – ренки. Но и временной диапазон движения у ренков неодинаков. Мы его называем кимером. У Сарыя кимер всего примерно до трёх с половиной тысяч лет, может быть, ещё плюс лет двести. У меня же – до семи тысяч. – Симон похрустел пальцами, давая возможность Ивану оценить диапазоны ходьбы во времени. – Есть другие ходоки. Им труднее... Они медлительны при ходьбе по дороге времени. Это – верты. Милейший дон Севильяк типичный верт. У вертов возможности движения во времени тоже различены, некоторые из них могут уходить в прошлое за тысячи и тысячи лет. Но, я уже говорил, делают это они очень медленно, будто просачиваются сквозь вязкую среду, да ещё через замысловатый лабиринт, который неохотно уступает им свои тайны. Это детали... Кстати, звучание и значение слов ренк и верт не изменялись, наверное, тысячи лет. Так и идёт из невообразимого прошлого... Представляешь? – Симон, пожалуй, впервые посмотрел Ивану прямо в лицо.

– Впечатляет, – отозвался Иван. – Но это, как я понимаю, не всё, что Вы хотели мне рассказать?

Симон кивнул.

– И ренки, и верты способны передвигаться не только во времени, но, одновременно, и в пространстве. Не все, правда. Есть у нас небольшая группа ходоков, которые могут ходить только во времени. Их называют текиренками и текивертами, или просто – теки...

Симон рассказывал долго, и много интересного, хотя часто говорил: я считаю, возможно, можно предполагать и по-видимому.

Возможно, что ходоки во времени появились ещё во время Оно, когда у наших баснословно далёких предков только-только проявились первые проблески разума, и возникла память. А с ними воспоминания и произвольные желания вернуться назад, в прошлое, к тому периоду жизни, или к тому событию или дню, когда нашему пращуру было особо хорошо, сытно, либо он пожалел об упущенной возможности на охоте, либо в схватке с соперником. Можно лишь догадываться, как это могло всё выглядеть в те туманные времена, которые были так давно, что стали для нас – тайной.

– Наши монтажники говорят, – вставил Иван, – было так давно, что стало неправдой.

Симон реплику Ивана оставил без комментария.

По-видимому, первые организованные группировки ренков и вертов появились за двадцать-двадцать пять тысяч лет до нашей эры. Во всяком случае, есть некоторые косвенные указания на это. К этому же времени, как эхо каких-то реальных событий, относятся воспоминания, подобные легендам и мифам, о КЕРГИШЕТЕ.

Можно предположить, что тогда же были предприняты первые попытки к объединению. И не только в пространстве с современниками, но и с теми, кто проживал в различных прошлых эпохах. Хотя, возможно, безуспешные. Свидетельством тому, полученным из третьих рук изустно, могут служить остатки таких объединений с устоявшимися традициями и даже с определённой структурой построения, существовавших ещё в шестом-седьмом тысячелетиях до нашей эры.

Я считаю, что где-то около пятнадцати-семнадцати тысяч лет назад образовалась Междуреченская школа ходоков во времени. Первая такого типа. А чуть позже – Нильская и Атлантическая, много сделавшие для развития движения во времени.

Потом в истории ходоков наметился внезапный провал, белое пятно. Первый раз что-то случилось на самой Земле. Разное говорят... Так сложилось, что преодолеть закрытый для подавляющего числа ходоков период почти в четыре тысячи лет практически никому не под силу. Прервалась связь времён, так сказать. Что это было?..

Симон долго не отвечал на вопрос Ивана, о чём-то усиленно размышляя.

– Мы однозначно не знаем...

И дальше развил свой тезис. Период глобального закрытия окончился, по-видимому, где-то за десять тысяч лет до нашей эры. Никто из современников не может дойти до того времени. Это же десять тысяч лет! Сведения получены через вторые и даже третьи руки. В основном, от ходоков Сирийской школы, существовавшей во втором тысячелетии. Но она была скудна ходоками. Из-за того, что, начиная с третьего тысячелетия до нашей эры и до сего дня число потенциальных, то есть прирождённых ходоков резко снизилось по неизвестным причинам, да так, что распались объединения и школы, которых в лучшие годы насчитывалось, якобы, десятка два, если не больше.

С тех пор ходоки прозябают и, несмотря на появление в последние столетия некоторой тенденции к увеличению их числа, они имеют более скромные способности, и далеко им до тех вершин, каких достигали ходоки, скажем, пять-семь тысяч лет назад, не говоря уже о более давних временах. И неизвестно, достигнут ли. Вернее всего, даже деградируют...

– Но среди ренков и вертов ещё тогда, – говорил Симон, – ходила легенда, возникшая, как будто, в доисторические времена – о человеке, о ходоке, который практически не имеет ограничений для движения во времени и пространстве. Я уже упоминал. Это легенда о КЕРГИШЕТЕ. Появления КЕРГИШЕТА, не легендарного, а настоящего, ожидали многие поколения ходоков, потому что только ему под силу будто бы связать разорванную ткань времён и вновь объединить всех ходоков, и настоящих и прошлых, для общего дела....

Симон задумчиво посмотрел на Ивана.

– Двадцать с небольшим лет назад совершенно случайно, но счастливо, был замечен твой, Ваня, стремительный прыжок сквозь время. Всего-то на пять-семь лет, но увидевший его был потрясён твоим движением – словно в пустоте. С того счастливого случая мы присматривались к тебе. Проанализировали твои поступки и возможности и сделали вывод о появлении КЕРГИШЕТА. Тебя, Ваня... Способности свои ты, мне думается, скоро проверишь... – Симон надолго замолчал. Потом вскинулся, проговорил: – Вот и всё! На сегодня всё!.. Нет! Вопросы пока что оставь при себе. Я, как видишь, устал... Но подумай о том, что я тебе рассказал. До свидания!

Он тяжело встал из-за стола, попрощался за руку и вышел из квартиры в дверь – исчезать посередине комнаты на глазах у Ивана, как это постоянно делал учитель, Симон, наверное, считал неприличным. Первая встреча не в счёт.

Симон ушел, а Иван бесцельно побродил по комнате, включил телевизор, с отвращением посмотрел на кислую физиономию говорящего чистейшие банальности диктора и выдернул штепсель из розетки. Тут же вспомнил, разозлясь на себя, что не спросил о доне Севильяке – он уже недели две не появлялся и не разряжал обстановку постоянного лицезрения учителя. И ещё вспомнил, что так и не узнал, чем они, ходоки во времени, занимаются? Зачем во времени ходят-то? И об аппаратчиках, так напугавших Сарыя, не упомянул...

И вообще!

В мире наступила ночь. Полная луна светила в окно. Занятый невесёлыми мыслями, Иван не зажигал свет и пристально изучал через стекло знакомый рисунок на челе спутника Земли.

Известие о КЕРГИШЕТЕ почему-то не взволновало его, не вызвало подъёма.

Да и какой может быть подъём, если Симон не уверен в том, что он и есть КЕРГЕШЕТ. Если не он, то кто-то, значит, другой? Наверное, у ходоков есть тоже имя этого, другого...

Что-то всё-таки Симон не досказал.

Или Симон тут ни при чём, а у него самого после месяцев учёбы наступила полоса хандры?

Ренк проклятый!

– Хорошо-то как, господи! – то ли птичий, то ли скрипуче-дверной, а значит, непонятно какой голос учителя, внезапно объявившегося в комнате, оборвал его мысли и одиночество.

Иван включил свет и посмотрел на Сарыя... Ну что с ним прикажете делать?

Учитель был вымазан с ног до головы в какой-то грязи, как в первый день появления у будущего ученика. С него: с одежды, обуви, приобретённой не у Ивана, и даже с головы, – со всего что-то капало, отваливалось комочками грязи.

Недавно вымытый пол! Вот наказание с учителем!

Глаза у него блестели, в них читались сразу и гордость, и насмешка, и непререкаемость. Едва взглянув на Ивана, как на муху какую-то, недостойную его внимания, Сарый вскинул перепачканную голову и независимо проследовал, оставляя за собой страшные для любителя домашней чистоты следы, в ванную комнату, в которой прямо одетый встал под душ. И запел что-то гнусавое и противное...

До исчезновения на нём был надет новый спортивный костюм ученика с подвёрнутыми рукавами и штанинами. Можно себе представить, что от него, шерстяного семидесятирублёвого, по старому счёту, осталось, если учитель даже не соизволил его снять, залезая в ванну?

Фыркая, завывая и размазывая грязь по всей ванной комнате, он громко, чтобы слышал Иван, нахально потребовал еды и горячего чая. Задетый за живое ученик, открыв дверь в ванную, сказал ему пару «ласковых» слов. В ответ учитель залился счастливым смехом деревенского дурачка и завёл нечто совсем несусветное таким голосом, что визг несмазанных колес – музыка по сравнению с его руладами.

– Ну, ренк проклятый! – в сердцах выкрикнул Иван.

Сарый поперхнулся и смолк, поражённо глядя на ученика, словно на стихийное бедствие. Вода стекала с его головы, перебирая жидкие волоски, и брызгала от его дыхания каплями и тонкими струйками, но он, казалось, забыл о ней, остолбенев от наглости Ивана, повторившего, вернее, перекроившего его единственное ругательство, которое он позволял себе в адрес вертов.

По его обиженно-растерянному виду Иван понял, что погорячился и сказал лишнее. Может быть, ему никто никогда не говорил такого. Возможно, это было какое-то, незнакомое ещё ему, как ученику, оскорбление в среде ходоков. Не знал он тогда этого, и знать не хотел. Поэтому извиняться не стал, а бросил под ванну тряпку, которой тщетно пытался собрать грязные следы Сарыя, и пошёл на кухню греть чай и по сусекам собирать ему еду.

Зла у него на учителя не было. Да и можно ли злиться на ребёнка?.. Всё-таки, не смотря ни на что, был он безобидным, со своими причудами, старым человеком, которого уже не переделаешь, не перевоспитаешь. И надо его воспринимать таким, каков он есть, даже если тебе что-то в нём самом или в его поведении не нравится.

Осознав эту не ахти какую мудрёную мысль, Иван сам ни с того ни с сего запел. Тоже гнусаво и противно, подражая учителю, зато от души. Затем, сходя в комнату, достал из стенки свой красивый с красными лампасами лыжный костюм и отдал Сарью, предварительно заставив его вымыться как следует – с мочалкой и мылом. Тот покорно выполнил всё, что ему было сказано, оделся – костюм повис на нём как на огородном пугале – и скромно скользнул на кухню.

Есть он, наверное, хотел крайне. Но по мере того как наедался, подчистую подметая всё съестное, находящееся на столе, взор его туманился, а сам он становился опять нагловатым и независимым.

Иван же сидел напротив него и смотрел, как он ест... И отмечал – жадно! Вот как он ест. Одного слова достаточно для описания этого безобразия. Создавалось впечатление, что столовых приборов учитель не признавал напрочь, так как любую еду пытался хватать руками, забывая о столовых принадлежностях, без разбора заталкивал её в рот. При этом давился, сопел и стонал. Тьфу!..

– Из Фимана? – неосторожно назвал ученик запомнившееся слово.

Сарый весь передёрнулся. Открыл рот, чтобы заорать, как это делал раньше, однако не издал ни звука, только засопел громче и зачавкал невообразимо безобразно.

– Буду спать, – невнятно бросил он, когда на столе не осталось ни крошки, а чай из чайника был выпит до капли.

Ходоки – тоже люди

Как-то неожиданно у Ивана не то чтобы появилось свободное время, но ему удалось кое-что почитать о самом времени. О старых и новых концепциях. И чем больше он узнавал, тем сильнее запутывался от обилия гипотез, размышлений и понятий. Начитавшись, пришёл к отчаянному выводу: пока никто ничего такого не знает, чтобы объяснить эффект хождения во времени. Никто!..

Не только не знает, но и не подозревает...

Новая встреча с Симоном произошла лишь спустя несколько дней. После очередного занятия языком ходоков, практических движений на дороге времени и обильного обеда Сарый спал сном праведника в хозяйской постели, храпом убивая о стекло и стены мух и разных других насекомых, на своё несчастье залетевших и заползших в комнату.

Иван занимался уборкой квартиры. Раньше он не придавал особого значения этому занятию, хотя содержал своё жильё в идеальной чистоте. Просто некому было наводить беспорядок. Но с появлением Сарыя всё резко изменилось. Грязь возникала, будто сама по себе из небытия. Мусор мог появиться в любом углу квартиры. А ходить теперь надо было, глядя под ноги, ибо Сарый мог бросить всё что угодно в любом месте.

– Пусть спит, – остановил Симон намерение Ивана, хотевшего разбудить учителя. – У меня есть часа два свободного времени, так что успею кое-что рассказать о ходоках во времени. И о тебе. Хочешь?

– Конечно, Симон. А что дон Севильяк не заходит?

Симон на мгновение задумался, вытянул губы, будто пососал конфетку, вероятно, обдумывая, отвечать начинающему ходоку на его вопрос или нет.

– Видишь ли, Ваня, дон Севильяк сейчас занят... ну-у... – Он дёрнул щекой, будто его кто за неё укусил. – Занят серьёзным делом. Но к тебе придёт обязательно. Скоро.

Не похожий на себя, Симон тянул слова, как будто скрывал что-то неприятное или не подлежащее огласке.

– Да Вы, если не хотите, ничего не говорите, – помог ему Иван.

– Что ты, Ваня? Просто тебе это пока не интересно.

– Не интересно, так не интересно, – примирительно закончил Иван ставший неприятным ему и Симону разговор о доне Севильяке...

История ходоков во времени, поведал в этот раз Симон, сама по себе была любопытна, но не более. Она, наверное, когда-нибудь будет изучена и описана, а пока он мог сообщить лишь отрывочные сведения и догадки его, Симона, и других, с кем из ходоков приходилось ему говорить о ней.

– Никому до того дела нет, вот в чём причина тёмных страниц нашей истории, – сокрушённо высказался Симон. – Причин много, но главное, Ваня, во всей этой истории хождения во времени – это взаимоотношения между ходоками... Между нами... Хотя нас, я уже тебе говорил, мало. Горсточка людей... – Симон нахмурился и надолго замолчал. Медлительно продолжил: – Так вот, эти отношения, мягко говоря, не всегда были идиллическими. Отнюдь... Поскольку тебе среди нас, ходоков, придётся жить, то надо знать и об этой теневой стороне хождения во времени... Впрочем, к самому времени или полю ходьбы всё это имеет самое

отдалённое отношение. Но всё по порядку. Как ни говори, а ходоки во времени в массе своей люди... ущербные, что ли. В силу своих уникальных способностей, они выпали из сообщества современников, да и вообще из обычного человеческого общества. У них своеобразный, отличный от других образ жизни... Ты прав. Есть такие профессии, когда люди живут обособленно. Это верно. Но ходоки, покинув нормальное человеческое окружение, попали в замкнутую группу таких же, как и они сами, странных, я бы сказал, субъектов, совершенно не похожих друг на друга не только характерами, возрастом и интересами, но и резко выраженными специфическими особенностями, как ходоков во времени... Может быть, у меня, Ваня, получается не очень убедительно, и я не нашёл таких слов, чтобы сразу описать то, о чём хочу тебе поведать, но я хотел бы, чтобы ты понял трагедию ходоков. Да, да, Ваня. Именно трагедию! Сейчас ты пока что не ощутил её в полной мере, но вскоре и ты будешь понимать меня с полуслова...

– Я и сейчас...

Симон изобразил свою полуулыбку.

– Не торопись, Ваня. Есть такой принцип – первоначального благополучия. Когда вначале всё как будто идёт хорошо, замечательно просто. Оттого появляется надежда, что так будет всегда. Однако только время расставляет всё на свои места. Либо так оно и есть – благоприятный исход чего-то, но чаще – всё наоборот, когда благополучие было кажущимся, а по истечении какого-то времени оно оборачивается негативной стороной... Так вот, те, кто во времени не ходит, живут по естественным моральным, этическим и вообще мировоззренческим правилам своего времени. Даже те, кто как будто живёт отчужденно. Любой человек – нелюдим или общественник – всё равно в общей массе современников как бы растворяется, нивелируя свои поступки и черты характера. А как же? Сейчас вот газеты читают одни и те же, смотрят ограниченный перечень программ телевидения и кинофильмов, над ними довлеют общие законы. И так было всегда... Без радио и телевидения, конечно... А в среде ходоков царит дух... я бы сказал, общества постоянных незнакомцев. Ведь чаще всего мы, ходоки, живём в разном прошлом, иногда и очень далёком. Это сильно сказывается на психике и поведении. На разумном, с точки зрения современников, поведении. Нас не волнуют заботы и беды родного времени, да и любого иного. А, живя в разном прошлом, мы усваиваем разность обычаев ушедших и как будто канувших в вечность эпох, не слишком-то корректных для нынешнего поколения людей...

– Как видишь, Ваня, каждый из нас отличный ото всех индивидуум, а вместе мы – ходоки во времени. Парадокс!.. Если моё философствование кажется тебе беспредметным и неубедительным, то я скажу о некоторых неприятных последствиях нашей несхожести... Каждый из нас, естественно, по-своему смотрит на мир и определяет своё место в нём, оттого мы подчас не понимаем даже друг друга, тем более не понимаем или, лучше сказать, пренебрегаем настоящим, его насущными вопросами. Это значит, мы не только отстали от человечества в целом, но и вообще выпали из его истории.

– Как это? Мы ведь тоже люди, homo sapiens sapiens, – возразил Иван, не уверенный, что Симон не опровергнет и этого.

Симон ничего опровергать не стал.

– А так, Ваня. Выпали и всё тут. Тебе ещё невдомёк, но, побывав, скажем, участником походов Александра Македонского, а затем, вкусив пакости столетней войны в Европе, провалиться в прошлое и посмотреть, что творится на бескрайних степях Южной Америки в прошлом столетии... Как тебе эта последовательность? То-то! Так о какой истории для тебя может быть речь?.. Ладно. Не о том у нас с тобой разговор... Кроме того, что я тебе уже сказал, в ходоки приходят люди, по сути своей, случайные, узнавшие о своих способностях в разном возрасте. Некоторые ещё в детстве. Такие ходоки ничего, кроме ходьбы во времени не умеют делать. Заметь, Ваня, ни-че-го!.. – Симон запнулся, на некоторое время задумался. Лицо его постарело, глаза прикрылись морщинистыми веками. Он надолго погрузился в себя. – Но это

не всегда хорошо, – наконец сказал он, возможно отвечая своим мыслям. Потом оживился: – Ты вот – инженер, бывший военнослужащий, повидавший мир. Тот мир, в котором родился и прожил почти тридцать лет. А другие в нормальной жизни занимались всякими делами, порой, делишками, находились на разных ступенях социальной лестницы. Чаще, на самых низких. Как изломанные жизнью, так и вкусившие от неё всё, что она может дать человеку. Получив уникальный случай стать на дорогу времени, они пытаются сохранить свои привязанности с учётом новых возможностей. Одних обуряет дух бродяжничества во времени для защиты обиженных и голодных, других же – для стяжательства и тешения чувства безнаказанности за совершённые проступки, третьих, – для удовлетворения низменных инстинктов... Короче говоря, кто во что горазд...

– Но и среди ходоков, конечно, находятся разумные люди. Благодаря им, не раз удавалось организовать принятие всевозможных соглашений о нормах поведения во времени. Впервые это случилось давно, – говорил Симон. – По косвенным данным, о такой договорённости известно ещё в двенадцатом тысячелетии до нашей эры. Ближе к нашим дням практически каждое поколение ходоков устраивало встречи и обуславливало нормы поведения. В общем, договоры, договоры, договоры... Масса договоров. – Симон мимолетно улыбнулся. – Лейт-мотивом всех этих договоров, конвенций, соглашений, условий и тому подобного выступают несколько неизменных положений. Основные из них – общечеловеческие: не убей, не богатей за счёт других... Да и вообще, будь скромнее, не мешай ходьбе во времени другим. Каждое понятие включает в себя расширенную трактовку. Такое короткое условие, как не убивай, расшифровывается многозначно. У ходоков это: – не нарушай законов той страны и того времени, в которых находишься, не причиняй людям этих эпох обид и, главное, никогда не убивай человека, не нарушай его жилища, не отбирай последнего... Не богатей – это не создавай себе за счёт ходьбы во времени богатства воровством, шантажом, нечестными поступками... Не мешай ходьбе – значит, не твори собратьям-ходакам препятствий ни во времени, ни в пространстве, открывай людям с врождёнными способностями их возможности, обучай хождению во времени... Как, Ваня, – неожиданно обратился он к внимающему слушателю, – тебе наши договорённости? Приемлешь?

– Разумно, – уклончиво отозвался тот.

Что-то в повествовании Симона, длинном и путаном, не понравилось Ивану. Сказано как бы обо всём, а, по сути, – ни о чём. Слова – что вода, будто бы всё время другая, а на проверку, всё та же – «аш два о».

«Да ладно, – подумал Иван. – Сейчас не всё понял, позже пойму. Что он ещё скажет?»

Симон, похоже, разгадал ход мыслей Ивана, отметив это тонкой улыбкой, и продолжал говорить, как ни в чём не бывало:

– А теперь перехожу к самой, пожалуй, трудной части моего затянувшегося рассказа о некоторых сторонах жизни ходоков. Итак, Ваня, ходоки, по роду своего статуса, должны были бы выступать собратьями по делу. Какому делу? Вот вопрос, который, вижу, висит у тебя на кончике языка. Так?

– Так! – искренне согласился Иван, потому что и, правда, порывался узнать об этой стороне деятельности ходоков.

– Может быть, Ваня, это звучит несколько неправдоподобно, но это как раз и является ключом ко всему нашему разговору... Вопрос вопросов!

Вот так вопрос вопросов!

Оглушённый, Иван расслабился.

Оказывается, никакого общего дела у ходоков не было, да и вообще, никакого дела не было. И, оказывается, не могло быть.

Лучше бы Симон не рассказывал сегодня о том и не разочаровывал бы его. И так день паршивый какой-то выдался, а тут ещё признание Симона...

Он-то, было, настроился на откровение, на приобщение к тайне ходоков, а получил пшик. Конечно, всё сказанное до того Симоном о ходоках могло для более проникательного слушателя самого подвести к подобному выводу. Иван же сразу расстроился, вполуха прислушиваясь к словам Симона.

А он говорил, что попытки объединить ходоков общим делом, были. И не раз...

– Ты, наверное, читал об открытиях, граничащих с фантастикой, таких как Кумранские находки, Книга Велеса и... другие. К их появлению приложили руку ходоки. Но всё не так просто, как кажется с первого взгляда. Поверь, спасение памятников культуры сопряжено с определёнными трудностями: вещь надо оценить – нужна она потомкам или нет, её надо унести, а до того каким-либо образом взять или украсть её у кого-то, да и найти её ещё надо. Потом, к сожалению, не всякий ходок может протащить или пробить, как мы говорим, что-либо сквозь время. Но и это полдела. Наши современники, скажу прямо, справедливо недоверчивы и каждое воскресение утерянного ещё в древности памятника встречают с оправданным подозрением. Иногда вещь даже теряется навсегда, потому что её посчитали подделкой, её плохо хранили, ею пренебрегли... Так что, идея угасала каждый раз, как только за неё брались ходоки-энтузиасты... Да, слушаю тебя.

– Людей могли бы спасти! – выпалил Иван. – Детей...

Симон несколько раз мелко покивал головой.

– Да. Предотвращение гибели людей... Благодородная, казалось бы, задача. А на деле! Ни одна смерть не была предотвращена. Сколько я знаю – ни одна!.. Иногда будущая жертва нападения ли, землетрясения, случайности даже поддавалась уговорам, что-то предпринимала, но... – Симон безнадежно махнул рукой, – всё оказывалось тщетным. Поистине можно подумать о неотвратимой предопределённости судьбы человека: что на роду написано, то и произойдёт. Ходоки только неприятностей натерпелись...

– В конце концов, – Симон вздохнул, – каждый облюбовал себе эпоху и общество и живёт там, ища себе забав и счастья. Кто-то, увлекшись романтикой, бредёт по дорогам в легионах Древнего Рима, хотя, скажу тебе, романтического там мало. Кто-то бьётся с монголами или в их ордах. Другие участвуют в печальной схватке индейцев и белых. И на той и на другой стороне. Есть те, которые нашли женщину своей мечты и счастливы с ней в веках. У многих тяга к торговле, а некоторые даже ушли к дикарям в джунгли и стали вождями, а чаще жрецами племён. Кому что нравится... А что может понравиться делать тебе?

– Послушав Вас, так теперь и не знаю. Может быть, познакомиться с великими людьми прошлого?

– Великими, говоришь?

– А что?

– Великими их делает молва и время. Поверь мне, Ваня. На самом деле большинство из них... Не хочу хулить, но некоторые из них были в жизни ничтожествами. Скрягами, предателями, с гнусными наклонностями. Познакомишься с одним, с другим, помотришь на них, поговоришь и навсегда отобьёшь себе желание посещать следующих. Великих...

На секунды Симон замолчал, допивая остывший чай.

– Правда, у нас есть день, когда мы, ходоки-современники, встречаемся... – он опять умолк, пожевал губами, потом решительно добавил: – Это тебе, Ваня, на сегодня.

Он улыбнулся странной летучей улыбкой, вытер ладони о колени и распрощался до следующего раза, не назвав ни числа, ни времени, когда это может случиться.

Странные у Симона манеры, странные концовки разговора...

Он ушёл и оставил Ивана в совершенной растерянности и подавленности. И от услышанного и домысленного им самим.

В тот день он впервые позвонил кое-кому из друзей якобы из другого города. Ему опять захотелось стать обыкновенным прорабом. Чтобы лицо в лицо говорить с начальством, делать

выволочку нерадивым монтажникам, ругаться и мириться с заказчиками. То есть делать то дело, которое он знал, в котором всё ясно, открыто и доступно его пониманию.

Которое, в конце концов, полезно обществу и реально по существу.

Время

Время, как необъезженный конь, несётся, сломя голову, к известному только ему финишу, не сбавляя темпа, не оглядываясь, не рыская по сторонам – вперёд и только вперёд.

А за ним клубами неведомой материи тянутся невидимые возмущения, в которых происходят странные, Ивану, например, совершенно непонятные, превращения, используемые с тем или иным успехом ходоками во времени. Пока держатся или проявляются возбуждения, созданные пришпоренным временем, можно отставать от него и вновь нагонять.

Так или примерно так думалось Ивану в начале раскрытия его уникальных особенностей, отличающих его ото всех людей.

Потом, много позже, Иван кое-что узнал о движении во времени из собственного опыта и откровения других ходоков. Не физику явления, нет, так как он сам и его собеседниками были людьми далёкими от науки, а узнал, в основном, о психологическом восприятии дороги времени каждым ходоком в отдельности, поскольку всякий ходок имел своё, отличное от других, постижение и понимание времени.

Вот первоначальное видение времени и поля ходьбы во времени самого Ивана...

Будущее – непреодолимая отвесная стена, истекающая туманом настоящего. В будущее, как будто, для него и иных ходоков дороги нет. Даже если попробовать, то вечно наступающее настоящее не даёт возможности даже притронуться к монолиту будущего.

Прошлое – бескрайняя равнина. В близком прошлом – на сорок-пятьдесят, а, может быть и на двести тысяч лет – плоская, как столешница огромного стола, по которой можно идти без усталости. Дальше – рытвины, овраги, затрудняющие движение, но, в принципе, преодолимые препятствия и во времени и в пространстве.

Ограничение – предельное прошлое – проходимые горы, которые, чем глубже в минувшее, тем выше, неприступнее, хотя можно найти лазейки, горные тропинки и расщелины, чтобы проникнуть дальше и дальше в бездну тысячелетий.

Диапазон Ивана громаден по сравнению с другими ходоками – сотни тысяч лет.

Потому он – КЕРГИШЕТ.

В поле времени и в горах есть участки, закрытые для него и во времени, и в пространстве, в точках зоха, как говорят ходоки. Это те места на поверхности Земли, которые в данной точке зоха могли ещё не существовать в таком виде, чтобы в них была возможность выхода в реальный мир для ходока. Это не существующие участки суши: материи или острова, покоящиеся пока что под толщей океанов, морей и озёр; вулканы, другие аномалии. Либо иные закрытия – дважды в одну точку зоха не войти, или он не нашёл покуда способа в них побывать, проникнуть: обрывистые ущелья, бездонные колодцы, столбообразные пики.

Закрытия могут создавать и сами ходоки, если не желают, чтобы кто-то последовал за ними. Но обладателей таких способностей – единицы. Сам КЕРГИШЕТ смог это делать, спустя лишь долгое время.

Как видят время и поле ходьбы другие ходоки? По-разному.

Будущее – либо пропасть, край которой нарастает настоящим, либо гасимое настоящим слепящее сияние с таким жаром, что приблизиться и преодолеть преграду нет сил. Могут быть действующие на мозг звуковые эффекты, а то и влияние на органы чувств или на весь организм ходока: боль, слепота, рвота, необъяснимая неспособность сделать шаг вперёд – в будущее.

Прошлое и ограничения.

Проявлений множество: постепенное понижение дна безбрежного моря; болото, шаг за шагом становящееся непроходимым; встречный ветер, крепнувший во всё более дальнем прошлом, на границе доступности буквально выбрасывающий ходока вперёд во времени. А то и страшный холод и сильная жара; увеличение тяжести, буквально раздавливающая тело. Порой беспричинный до потери сознания смех и ослепляющие безудержные слезы; одуряющая икота и кашель. И многое другое.

У Сарыя, учителя Ивана, – камушки, как тот выражался. Вначале, в близком прошлом, мелкие, не мешающие ходьбе. Потом – покрупнее, затем вообще большие по величине, но реже, а между ними – провалы. Кое-где можно перепрыгнуть с камня на камень, а где и нет. Потому-то Сарый повисал у него на руке, когда они во время учебной ходьбы приближались к его границе доступности – дальше не прыгнешь, так что Иван просто переносил его через провалы.

Симон всю жизнь ходока во времени передвигается по льду. Это его дорога времени, это его поле ходьбы. Лёд по направлению к прошлому исподволь истончается, грозя провалиться под ним. Прогибается, потрескивает – предупреждает.

У дон Севильяка – своё. У него мало-помалу разрежается воздух, ему трудно дышать.

– Может быть там безвоздушное пространство, – громоподобно восклицает он, бешено выкатывая и без того до невозможности выпуклые глаза.

Иван как-то ему посоветовал воспользоваться аквалангом.

И однажды состоялась умопомрачительная картинка – дон Севильяк в акваланге с баллонами воздуха за спиной. Лишь во сне подобное может присниться. Уж лучше бы не советовал. У бедного верта на временной границе разрежение настоящее, и дон Севильяка стало вспучивать и норовать пустить на разрыв. Весёленькое дело!..

Да, летит неудержимо вперёд время, рождая и убивая поколения людей, хороня в забвении миры и поступки, вспыхивая сверхновыми на небосклоне и сокрушая горы, непрерывно высекая будущее из неведомой субстанции мироздания.

Крути скрипучие колёса
Бесценных лет, седой Эон...

Ещё не зная о себе, как о ходоке во времени, будучи студентом, Иван сочинил стих, начинающийся этими словами...

Кто взнуздal этого коня и куда его направляет?.. Не важно! Важно, что в его промелькнувшей тени образовалось нечто, позволяющее ходить во времени, посещать прошлое – эти упорядоченные, но жалкие руины многообразного будущего.

Поле ходьбы

Симон явно выбирал время для разговора с Иваном в те часы, когда Сарый, громко храпя, спал. Или так уж получалось.

В этот его приход на дворе уже стояла глубокая ночь. За окном успокоилась улица. Был слышен каждый шорох, возникающий в многоквартирном доме. Иван заканчивал ставшую традиционной уборку в прихожей после безалаберщины учителя, до сих пор не привыкшего класть вещи на свои места, убирать за собой со стола и соблюдать элементарный порядок в помещении, где жил, ел и спал.

Дверной звонок прозвонил коротко и тревожно. Иван внутренне к нему был готов и не удивился, пропуская в прихожую изысканно одетого Симона. Тот коротко окинул Ивана внимательным взглядом, поздоровался за руку, переобулся в шлёпанцы, многозначительно послушал оглушительные вдохи и выдохи Сарыя и направился на кухню.

Быть опять разговору, догадался Иван, и не очень ошибался. Если Сарый учит ходить во времени, то Симон превратился в некое подобие просветителя о делах и истории самих ходоков. Так оно было и в этот раз.

– В нашей организации... Или в нашем союзе ходоков... Можешь называть это как тебе понравится. Так вот, у нас есть, как в любом сообществе людей, руководители и рядовые члены. Исполнители, так сказать, – начал он, приняв свою царственную позу.

От его начальных слов Иван поскущел, на душе стало мутрно.

«Вот я и вляпался, – подумал он. – Чего доброго, среди них царьки и князьки водятся».

Симон, если и заметил состояние слушателя, то и бровью не повёл, позы не изменил и в голосе сохранил непринуждённость. Он дальше развивал перед Иваном сказанное:

– Ты не можешь стать рядовым членом нашего общества и простым исполнителем воли руководителей. Для рядового ты не подходишь, ибо ты – КЕРГИШЕТ. Да и что-либо исполнять – у тебя ещё нет практики. К сожалению, ты пока не можешь быть и руководителем...

– Ну конечно, – совсем обиделся Иван.

– Повремени, Ваня, и не перебивай... Ты пока не можешь им стать, хотя к тому дело и идёт. Но история всего нашего общества ходоков стала так запутана... Ну, потерпи и послушай!.. Так запутана, что необходимо время, чтобы проникнуться её нюансами...

– Вы забыли рассказать о самой истории, – довольно резко перебил его Иван.

Честно говоря, ему поднадоела игра в таинственность.

«Они, право, с раздражением думал он, меня, что ли, за мальчика держат, которого до бесконечности всякими баснями подкармливать можно? А он, то есть я, этого не понимает. Дурачка нашли!»

Неожиданно, как ему в эти минуты показалось, он прозрел.

Вся их мышьяная возня вокруг него: обучение ходьбе во времени, подсунутый учитель-неряха, тонкая лесть по поводу его необыкновенных способностей и туманные намеки на нечто таинственное, которое должно было бы завлечь неопытного в их делах и в силу его дрянного (Иван всегда был собой недоволен) характера, в какую-то аферу. А остальное походило на элементарное натаскивание в меру сообразительной породистой собаки, предназначенной для выполнения, в конечном итоге, унижительного действия – таскать за хозяевами сумки или подносить им тапочки, когда они соизволят ему это приказать. И, показывая себя, демонстрируя поразительные успехи в обучении, он должен будет теперь возвеличивать хозяина, своего обладателя и благодетеля.

Как только мысль о натаскивании ядовито-жёлтой молнией пронеслась в его голове... Ух! как он вспыхнул благородным негодованием... Сердце от обиды забилося медленно и длинно, кровь в жилах, казалось, загустела и перемешалась с перцем, вызывая жжение во всём теле. И хотя Симон, выгнув белёсую бровь, довольно убедительно ответил на его вопрос: – Вначале, Ваня, факты, потом сама история. Потерпи ещё минуты две, пожалуйста, – Иван сорвался.

Не желая замечать удивлённого лица собеседника и его протестующих жестов, Иван сумел всласть выговориться за своё почти трёхмесячное бессловесное прозябание с учителем, как в старые добрые времена прорабства – невзирая на лица, всё, что предполагал и подозревал, не думая о последствиях.

Как ему было хорошо! На душе стало покойно и светло. Так, словно опрокинулся и высох огромный сосуд горечи, отравлявший до того его жизнь.

Вид у Ивана, после того как он выговорился и замолчал, был таким необычным – одухотворённым и, в то же самое время, яростным, – что Симон, вначале неуверенно, потом во весь рот, подарил ему редкостную улыбку, осветившую его славное усталое лицо. Под его глазами собрались мелкие многочисленные старческие морщинки, и Иван подумал, правда, без каких-либо эмоций, о его возрасте.

– Ну-у, Ваня... – пропел Симон протяжно, примериваясь к новой ситуации, возникшей в разговоре. – С тобой, дорогой, право слово, не соскучишься.

Он покрутил головой, мол, не ожидал от тебя такого.

– А что, в конце концов? – уже без огня и страсти спросил Иван, так как выдохся, и даже почувствовал себя в чём-то виноватым перед Симоном. – Ходите вокруг да около. Ни да, ни нет, как девушки неопытные, честное слово.

Симон провёл по лицу легкой ладонью и потёр подбородок. Ещё раз улыбнулся, но уже не той откровенной улыбкой, а мимолетной, скользкой, как делал всегда.

– Ты прав, Ваня... Ты, как сейчас говорят, всё-таки человек новой формации, продукт современной эпохи и общества, в лучшем понимании этого явления. И нам не следовало бы забывать о том... Мораль из всего сказанного к тому, что я тебе ещё сегодня скажу, на удивление очень проста и грустна. Всё плохо у ходоков во времени сегодня, Ваня... Да, Ваня, да!.. Так плохо, что где-то во времени по вине ходоков... именно ходоков, потерялся мой друг дон Севильяк, этот добряк, этот... – Симон не находил слов.

Он искренне удивил этой новостью Ивана.

– Как пропал? – удручённо спросил он, остро вдруг ощутив, как откуда-то из давнего прошлого глянуло ему в спину холодное до мурашек стоглавое чудовище – Время. – И давно?

– Уже две недели... Я кое-где побывал, поспрашивал о нём. Никто ничего не видел и не знает... Правда, есть одна зацепка. – Симон приподнял руку с вытянутым указательным пальцем. – Это наиболее вероятное, что с ним могло произойти... Если другое, то... Всё-таки я надеюсь, что всё ещё не так страшно. Как раз для того, чтобы ты понял идею зацепки, я к тебе и пришёл сегодня... Согрей-ка. Ваня, чайку. Даже в горле першит от неприятностей.

Мысль об исчезновении дона Севильяка не покидала Ивана, пока он зажигал газ, наливал в чайник свежую воду, доставал чайные чашки. Как всегда бывает в подобных случаях, его взгляд остановился на чашке, лопнувшей при одном из посещений великана от его могучего, сочного смеха. Как на знамени каких-то будущих событий, глаза у Ивана застыли на аккуратно сложенных половинках разбитой посуды.

– Это время его поглотило! – выдавил он трагическим голосом.

– Как это – время? – похоже, Симон не понял внезапной реплики Ивана.

– Очень просто – гам! и нету! – объяснил тот своё высказывание. И довольно комично показал, раскрыв, что есть силы рот, и клацнув зубами при его закрытии. – Разве время не может убить человека?

Симон непроизвольно дёрнул плечом, задумался.

– Может, конечно, – сказал он с сомнением в голосе. – Впрочем, только в принципе. К тому же дон Севильяк, как я тебе говорил, типичный верт, и ему подобное не грозит.

– Мало ли...

– Разумеется, такое может произойти, но лишь в том случае, если кто-то увлёт его за собой за грань доступности, и он канул где-то там, откуда ему не вернуться... Однако протащить, вернее, пробить верта сквозь время за его границу, если он этого не захочет, да ещё такого могучего, как наш друг, задача практически невыполнимая. Ты меня понимаешь?

– Не совсем, – честно признался Иван, так как, и вправду, ничего не понял из объяснений Симона.

– Верта во времени не разогнать так, чтобы он смог проскочить свою предельную границу. Даже если дон Севильяк не сопротивлялся, подобное не может, вообще говоря, произойти... Дай подумать... Если это сделать рывком. И то в том случае, если он вдруг забылся, был в беспамятстве, что тоже маловероятно, или если он сам захочет погибнуть во времени.

– Кому охота? – возразил Иван.

Симон помолчал, глядя на него с прищуром, как сквозь прорезь прицела. У него, с холодком по коже, отметил Иван, такой взгляд получался весьма образно, что наводило на размышление.

– Ты, Ваня, – сказал он с нескрываемым пренебрежением к ученику, – ещё... совсем, мальчишка.

– Мне уже тридцать лет! – не возмутился, а удивился Иван его словам.

Он-то давно считал себя стариком.

После Афганистана, когда пришёл в институт, он оказался самым старшим по возрасту студентом на курсе и единственным прошедшим войну. К нему вначале даже приклеилось незамысловатое прозвище – Старик, но его взрывной характер и неуёмная жажда покурить, отсутствующая у многих более молодых, делали его в глазах сокурсников намного моложе, и прозвище отпало само собой.

Он бы ещё добавил о своих боевых делах, побывавшие в которых взрослеют за несколько часов, но Симон не дал ему продолжить высказывание.

– Мальчишка, мальчишка. Не по годам, а по жизни. Что ты знаешь о жизни и смерти?.. О желании умереть?.. Даже пройдя войну?.. Ни-че-го!.. То-то, Ваня!.. Это слишком серьёзное дело, оно назревает исподволь... – Симон прервался на полуслове. Одна щека его дёрнулась – он был недоволен собою. – Но мы не о том... Опять ты выскакиваешь со своими вопросами. Сколько можно?

– Да вы же сами...

– Ты спросил, я ответил.

Они посмотрели друг на друга и вдруг прыснули смехом, хотя то, о чём они только что говорили, было далеко не смешным.

Потом они беседовали.

Иван чувствовал: между ними ломается лёдок принуждённости, который установился в их отношениях. Всё-таки дон Севильяк, по его сложившемуся мнению, был человеком намного проще, добрее. А тут оказывается, что и Симон не такой уж сухарь и не сверхчеловек, которому все те, кто не умеет ходить во времени и одеваться как он, не достойны внимания. Простой человек, проживший жизнь, и, наверное, нелёгкую.

– Скажите, Симон, – неожиданно для себя спросил Иван, – сколько Вам лет?

Симон растерянно, как-то даже по-детски, посмотрел на него, словно Иван прихватил его на мелкой проказе.

– Интересно?

– Да нет. К слову пришлось, – сконфузился Иван. – Есть что-нибудь будете?

– Буду. И чаю мне покрепче, и в большую чашку... Мне, Ваня, шестьдесят восемь... Похоже?

– Нет, – искренне отозвался Иван. И тут же поправился: – Последние дни – да. Раньше казалось, что чуть больше сорока.

– Консервы, Ваня, – усмехнулся Симон невесело. – Они долго хранятся в доброкачественном состоянии, а всё – консервы.

– Ну, уж, – вежливо усомнился молодой человек.

Симон отмахнулся.

– Давай чай и слушай!

Они пили чай, Симон рассказывал, ученик слушал, время от времени вставлял незамысловатое словцо, а Сарый свирепо храпел в комнате и создавал разговору уютные помехи. На дворе стало светлеть, словно за ним разливался медленно разгорающийся театральный свет. Разжижались густые ночные тени – неясные, подвижные и по детски сказочные, а на смену им приходили реальные и чётко очерченные тени дня.

Всё было бы совсем хорошо, если бы не тревога за славного дона Севильяка.

– Лет пять назад, – говорил Симон, прихлёбывая чай и жуя хлеб с колбасой, – некоторые ходоки начали жаловаться на препятствия, мешающие ходьбе. Одному с трудом оборудованный мост между доступными точками кто-то разрушит, другому подстроит ловушку с неприятными ощущениями. В общем, пакости всякие. Потом забеспокоились ходоки прошлого тысячелетия: некто, по их утверждению, приходит из будущего, именно из нашего будущего, и нарушает соглашения и договоры...

Симон допил чай, вытер губы.

– Подобное, конечно, бывало и раньше. В ходоки, я говорил тебе уже, идут люди разные. И мы не очень-то волновались. Тем более, обуздать зарвавшихся своих, в принципе, не трудно. Но вот месяца два назад исчезли сразу три ходока. Они не вернулись с дороги времени. Во всяком случае, о них никто ничего не слышал. А если ходоки не движутся во времени, отыскать их практически невозможно. И ясно почему. Толщи времени и необозримые пространства в каждом моменте времени затрудняют любой поиск. Ведь достаточно секунд, чтобы разминуться...

– Учитель мне говорил, – сказал Иван.

Симон кивнул.

– Наш совет ходоков созвал встречу современников. Тех, кто дожил до нашего времени. Поговорили, подумали. Отбросили то, что могло произойти не по вине самих ходоков... Именно. Могло быть и иное. Но всё говорило, что тут замешаны ходоки... И постепенно вырисовалась такая нехорошая картина. Где-то в пространстве нашего времени образовалась небольшая, похоже, группа, пренебрегшая договорами, решившая повеселиться за счёт своих способностей, а, может быть, и для других целей. Кое-кого из этой группы нам удалось определить. Среди них оказался очень подвижный ренк с интервалом движения семь-восемь тысяч лет... Много!.. Выдающиеся способности... Но, возможно, дело не только в нём...

Симон надолго замолчал. Потом, словно поскуцнев, продолжил:

– Так что, Ваня, у нас появилось прочное подозрение, что исчезновение дона Севильяка и других ходоков связано с действием этой группы. Дон Севильяк по моему поручению занимался этой компанией, что, возможно, дошло до них, и они учинили охоту на охотника... Может быть, помнишь, что в дом дона Севильяка приходили неизвестные?

– Помню. Вы тогда мне ничего не объяснили. Чуть ли не кодом между собой разговаривали.

– Преждевременно объяснять было... А ты тогда обиделся?

Он и точно обиделся, но сегодня, покривив душой, Иван независимо ответил:

– Вот ещё... Но, помнится, Вы обещали посмотреть, в чём там дело.

Симон повеселел.

– Вот ты себя и выдал... Не обиделся, не помнил бы разговора, тем более, как ты заметил, вели мы его полунамёками... Ну, ладно!.. Ладно!.. Мы отвлеклись, а я тогда вернулся во времени назад для проверки. Была вероятность и обычной кражи со стороны людей, совершенно не умеющих ходить во времени. Обычными ворами. Таких бы я смог увидеть, а потом с помощью дона Севильяка и кого-нибудь ещё справился бы с ними. Но... Знаешь, Ваня, хождение во времени для нас и для тебя, я думаю, – это ходьба не совсем по ровной дороге. Есть такие точки зоха, которые нам не преодолеть. Мы их называем закрытиями.

– Наслышан. Сарый мне говорил. Я их видел, когда хотел войти в свою квартиру из поля ходьбы в настоящем.

– Конечно, – мимоходом заметил Симон. – Такое закрытие я и нашёл, придя с проверкой...

– А как оно у Вас выглядит?

– Интересуешься?

– Интересно. У меня одно, у учителя другое, а у Вас?

– В моем представлении это полынья. Но и другие ходоки, кого мы просили пройти к дону Севильяку в момент его исчезновения, тоже находили там закрытие. И закрытие-то небольшое. Несколько минут, но как раз в этом промежутке всё, по-видимому, и произошло... Ну, ну, Ваня, выскажись! Вижу, что не терпится поделиться предположением. Так?

– Так, – согласился Иван, поскольку ему действительно хотелось высказаться.

Суть его предположения сводилась к следующему. Либо кто-то прекрасно был осведомлён о всеобщности закрытия данной точки зоха, либо кто-то её сконструировал по своему усмотрению, либо это массовый гипноз подстерёг ходоков. Кроме того, почему бы ни выйти на точку, когда дон Севильяк в последний раз становился на дорогу времени, и от неё проследить за его движением?

– Bravo! – похвалил его Симон, но тут же вздохнул. – У нас тоже возникали подобные мнения и предложения, но, подумав, мы от них отказались. И вот почему. Точки закрытия сугубо индивидуальны и обычно никому не известны, так как связаны с особенностями ходоков. Отсюда всеобщность закрытия – вещь невероятная. А идея конструирования таких точек, мягко сказать, сомнительна. Во всяком случае, для тех, кого мы подозреваем. Следовательно...

– Никакого такого – следовательно! – пылко возразил Иван, но больше риторически, чем от убежденности в сказанном.

Симон реплику не отверг и даже согласно кивнул головой.

– Правильно, Ваня, не следует, если говорить вообще. Но никто пока что до сегодняшнего дня ни словом, ни намёком, ни, тем более, делом не смог опровергнуть и того, что сказал я... Ну, скажи, скажи, Ваня, не мучайся!

– Послушать вас с учителем, так иной раз от вас дряхлым средневековым веет. Точно научные, технические и научно-технические революции обошли вас далеко стороной. На Луну слетали, в космосе люди уже работают, как дома, сердце искусственное сделали... Да что там говорить?.. А вы всё ещё как Козьма Индикоплов расстояние по лаптю измеряете. Вы же, Симон, умный современный человек, а всё делаете по старинке, в надежде только на человека, на ошупь. А техника?.. А математика?.. Где они у вас?.. Все ваши... да, конечно, наши врождённые способности можно смоделировать, просчитать и узнать всю подноготную ходоков... Можно обнаружить и точки всеобщего закрытия, и условия протаскивания ходоков и других людей во времени, и всё остальное, что хотите.

– Ты бы смог? – поинтересовался Симон.

– Я прораб, а не математик или физик... У меня, как и у многих моих сверстников, высшее образование, но это не значит, что я умею абстрагироваться до понимания всеобщей картины пространства-времени. А вот ваши подозреваемые могут иметь у себя на службе математиков и физиков. Не обязательно даже ходоков, но которым всё толково объяснили и дали возможность поработать, поэкспериментировать. И на бумаге, и на мощной вычислительной технике.

Выслушав Ивана внимательно, Симон с сомнением покачал головой.

– Всё может быть. Возможно, ты прав... Но... – Он на мгновение остановился. Было видно, что он колеблется, говорить или не говорить ученику нечто более определённое. По-видимому, решил, что не стоит. – Это после... Чуть после, Ваня! Не торопись, пожалуйста!.. А сейчас вот о чём. Они, Ваня, тоже ходоки и тоже живут, поверь мне, вчерашним днём, по старинке, как ты тут изволил выразиться, и навряд ли догадаются выйти на учёных. Да и не выйдут никогда. Это точно!

– Достаточно одному догадаться... Вы бы хоть газеты читали, что ли! – проговорил Иван с досадой. – Сарый, мне сдаётся, вообще безграмотный. Так?

– Успокойся, Ваня, и не говори о том, чего не знаешь... Но мысль ты высказал интересную. Может быть, это дело будущего. Ты её не забывай. А по поводу закрытия... У нас есть некоторые запреты, они-то, думаю, и проявились.

Симон задумался, машинально поглаживая колени ладонями. Он словно позабыл, где находится.

– Вы хотите, чтобы я сходил и посмотрел? – напомнил Иван о себе.

Симон вскинул на него светлые глаза и прищурился, как для выстрела. Кивнул головой.

– Разумеется... Но не так скоро. Не торопись, потому что... Запомни, Ваня, всё это не так просто. Поэтому первое, тебе на уяснение в виде замечания. Ходок не может в одну и ту же точку пространства-времени или зоха выйти дважды... Сарый тебе ещё не говорил?.. И правильно, не всё сразу. Так вот, если ты где-то когда-то проявлялся, то здесь тебе больше не бывать, там тебя будет поджидать закрытие. Возможно, чтобы ходок не встретился сам с собой. Во-вторых, чтобы ты знал, существует жёсткий порядок встречи с другими людьми. Однажды встретившись с человеком, ты с ним сможешь увидеться вновь только по прошествии какого-то независимого времени. Нельзя, скажем, поговорить с кем-нибудь сегодня, а потом продолжить разговор вчера, для него. Или для тебя. Вот почему я считаю, что закрытия появились неспроста и не по воле сторонних ходоков физиков и математиков. Ты понял?

– Смысл понятен. Я о том уже думал. Но, Симон. Я же видел своих родителей. Они ещё только познакомились, и меня не было и в помине.

– Иногда такое бывает. Редко, но бывает. Любой ходок может тебе рассказать о таких встречах. Мне кажется, подобное происходит при случайной встрече, которая никоим образом не влияет на дальнейшие события.

– Жаль. Это значит, мне никогда не увидеть Вас молодым, как и Сарыя, и дона Севильяка. И не поговорить. Так?

– Да, Ваня... – Симон вздохнул. – Потому-то так и получилось, что там, у точки закрытия, я побывал и наследил вокруг неё, проявляясь до и после. Моя полынья разрослась, закрыв туда мне ход навсегда...

Симон посмотрел на унылое лицо Ивана и неожиданно озорно подмигнул ему.

– Не переживай! Может быть, всё не так, как я тебе наговорил. Дон Севильяк – мужчина в соку, и мог пропасть из нашего поля зрения по совершенно другим причинам.

Он посмотрел на окно, потом на часы, вынув золотой брегет небрежно-привычным движением руки, проговорил:

– Мне надо поговорить с Каменом, а ты бы в это время сходил в магазин кое-чего купить... Давай, Ваня... Наш разговор тебе будет не интересен... Разбуди-ка его!

В магазин сходить надо было – аппетит Учителя (Иван всё чаще старался думать о Сарые как об Учителе с большой буквы) не уменьшался, а день ото дня крепчал как вольный ветер. Так что предложение Симона пришлось кстати. И не только поэтому кстати. У Ивана появилась необходимость побыть одному хотя бы несколько минут и неторопливо обдумать наговорённое Симоном за ночь и поразмыслить о его туманном предложении сходить на квартиру дона Севильяка, а это, по сути дела, его первый самостоятельный выход во время.

«Так-с... – думал он, будя учителя, удивлённого бесцеремонными толчками, неторопливо одеваясь и выходя за дверь квартиры. – Итак. Что мы имеем и чего мы не имеем?.. Имеем почти... да, почти убедительный рассказ Симона о нарушителях спокойствия, которые, якобы, посягнули на жизнь или свободу ходоков во времени, в том числе (Иван отметил в себе возрастающую злость к нарушителям) дона Севильяка... Если верить этому рассказу, я могу вмешаться в судьбу дона, а может быть, и других ходоков. А вначале надо пойти и посмотреть, кто был когда-то в доме у дона Севильяка».

На улице стояла прекрасная погода. Выпавший за ночь снежок прикрыл грязное пятно на пустыре. Морозец пощипывал нос и уши. Лето пролетело незаметно для Ивана. А он любил его за возможность чаще бывать за городом, где-нибудь в лесу. А осенью сходить по грибы...

Но сейчас Иван мало обращал внимания на радости природы. По дороге в магазин его тяготили иные мысли.

Так обстоят дела у ходоков, если верить Симону, допускал Иван в своих размышлениях. Не верить ему у него не было основания.

«Однако чего мы не имеем? – Иван приостановился, потёр переносицу, вынул платок, прочистил нос. – К сожалению, – констатировал он, – ни уверенности в рассказанном, ни возможности проверить, что во всём этом – правда, а что надумано».

Но главное. Нет в нём особой страсти, очертя голову, броситься в настоящую авантюру, ведь детектив какой-то, а не реальное течение событий. И не имел он ещё опыта для выполнения задания Симона.

Вот и думай!..

Иван верил Симону и... не верил.

Ему вдруг показалось, что у истории, рассказанной Симоном, просматривается какое-то двойное дно, недосказанность. И, в то же самое время, он был бессилён опровергнуть чем-либо Симона. Наоборот, чем больше он размышлял, тем всё больше находил логики и в процессе формирования группировок в среде ходоков, и в участии их в охоте на своих коллег по ходьбе во времени. Это даже смешно, что всё у них началось всего пять лет назад...

Пять лет? Каких?

Интересно, как они считают для себя годы, если ходят в прошлое?..

Потом. Пусть пять. Не пять лет, так сегодня бы, в конце концов, весь тот разброд, по словам Симона, существовавший у ходоков, привёл бы к появлению подобной группы, использующей свои необычные способности для целей наживы, утверждения своего я, ради развлечения, в конце концов. Что им договоры и соглашения! Там, где нажива, там и преступления – между ними небольшой шаг, который так соблазнительно сделать, тем более при почти полной безопасности и безнаказанности... В этом не было ничего такого, что не соответствовало бы рассказу Симона.

И ещё одно «за». По мере его обучения и Сарый, и Симон постепенно открывали ему неизвестные подробности и особенности ходьбы во времени. Для заурядной же авантюры такие детали ни к чему. Зато с точки зрения педагогики, как Иван себе её представлял, они обучали его правильно. Без последовательного и продуманного раскрытия истории ходоков, рассказов о представлении ходоками времени, объяснения возможностей и классификации ходоков, терминологических экскурсов и указаний на помехи ходьбе ему никогда бы до конца своих дней, не познать и не осилить и десятой части этой науки

Да и своим рождением для ходьбы во времени он полностью обязан им: Симону, Сарью и дону Севильяку.

«...Я им обязан!» – пришёл он к твёрдому выводу и был готов на всё, хотя одна мрачная тень всё-таки ещё маячила на чистом небе его искренней обязательности. Обязан-то он, обязан, и это правда, но так же можно быть благодарным и обязанным обычным жуликам и преступникам при незнании мотивов сохранения жизни жертве. Важна цель. А цели пока что Иван не видел.

«Чтобы знать, – думал он, – надо выйти на многих ходоков, и серьёзно говорить не только с Симоном, но и с другими, разными. Лишь тогда будет видно, какую линию поведения избрать».

Впрочем, Симон неоднократно уже обещал встречу с ними, как только он по-настоящему научится ходить во времени...

Когда Иван вернулся домой с покупками, Сарый, старательно округлив полусонные глаза, самозабвенно хлебал горячий чай. Ученик щедро высыпал из кулька ему прямо на стол целый килограмм ванильных пряников. Сарый кротко глянул на него и от удовлетворения захрюкал.

Симон же посветлел лицом, глядя на их трогательные мирные взаимоотношения.

Разложив остальные покупки по полкам холодильника и кухонного пенала, Иван решительно сказал:

– Симон, Вы давно обещали познакомить меня с другими ходоками... Давно обещали! Симон внимательно посмотрел на него прищуренным взглядом.

– Раз обещал, – сказал он с расстановкой и переглянулся с Сарыем, – значит, обещание надо выполнять... Но предупреждаю, Ваня, чтобы совсем ты потом не разочаровался в ходоках. Слишком-то на это знакомство не рассчитывай. Разочаруешься. Может быть, чуть позже, когда сойдёшься с ними поближе. А в первой встрече не придавай какой-либо значительности.

Симон сказал и вновь, уже вопросительно, посмотрел на Сарыя. Учитель его взгляда не заметил, промолчал, жадно глотая чай и запихивая в ненасытный рот по целому прянику.

– Там видно будет, – буркнул ученик и отвернулся от них.

Собрание ходоков

Утром следующего дня, получив некоторые наставления от Учителя, Иван стал на дорогу времени для проверки временного периода, в течение которого исчез дон Севильяк, и куда не смог попасть Симон. Обычно закрытия для него проявлялись в поле ходьбы лишь после приближения к ним на достаточно короткое расстояние – в реальности, года на два-три. Проще, он наткался на них. А здесь, как только его координаты пространства-времени сориентировались по указанному Симоном адресу, он сразу увидел громадные монолитные столбы, явно отрезающие ему все возможности выйти в заданную точку зоха.

Толкачёв разочарованно послонялся вокруг странных образований, неизвестно из чего сделанных или выполненных – не из пространства или не из времени же, в конце концов.

Бесцельно походил взад-вперёд по дороге времени, ощущая свободу движения без опеки Сарыя, и вернулся домой, в своё время. И, подражая Учителю, завалился спать...

Прошла целая неделя, прежде чем его пригласили познакомиться с другими ходоками.

Иван как будто заметил кого-то на дороге времени, отвлёкся, и его проявление запоздало всего-то на полминуты от назначенного срока, но Симон был очень недоволен его задержкой.

– Точность – вежливость не только королей, – сухо проговорил он и ещё раз критически осмотрел одеяние, в которое вырядился Иван.

Похоже, осмотром остался доволен. Сам он был одет так же, как и Иван. Вязаная, ручной работы, длинная шапочка, верхушкой спадавшая к уху. Тёплая рубаха из грубого серого материала, заправленная в перехваченные ремнём почти под грудью штаны. Высокие до бёдер сапоги дополняли их нелепый, по мнению Ивана, наряд.

В Европе шёл 1931 год.

Ходоки проявились на севере Норвегии. Скалистый берег без растительности. У самых ног ходоков гуляли свинцово-тяжёлые волны Ледовитого океана, бешено врывающиеся в безымянный фьорд. От холодного северного ветра людей защищала вздыбившаяся дикая скала, а августовское солнце второй половины дня приятно пригревало спины.

– Маскарад, – подумал, а, может быть, сказал вслух Иван.

– Не маскарад, а маскировка, – поправил Симон и добавил менторским тоном: – И не забывай, что эта точка пространства и времени для тебя отныне уже закрыта. Навсегда!.. И, Ваня, – он огорчительно вздохнул, – дальше их у тебя будет всё больше и больше. Таких точек будет у тебя столько, сколько произойдёт проявлений в реальное время. Вот почему, чтобы собрать многих, особенно тех, кто давно уже ходит во времени, а значит, и проявляется, надо быть уверенным, что в данной точке зоха никто из собравшихся никогда не побывал. Ты понял, Ваня? Никогда.

– Извини, Симон, – конфузливо потупился Иван.

Он понимал, конечно, что сказал нелепость. Мог бы сам догадаться. Просто чувство противостояния всему тому, что его сейчас окружало, толкало на подобные высказывания.

– Пора бы самому соображать!

Симон сегодня был настроен неласково. После его последнего разговора отношение к Ивану резко изменилось – он не считал теперь его учеником.

– Стараюсь, – буркнул Иван.

– Старайся, но и помни, что не мы выбираем места встречи, а обстоятельства... Здесь обычные люди живут, вдруг увидят нас... Вот мы и оделись, как одеваются все местные... Ладно, пошли! Не для того сюда явились, чтобы я тебе читал наставления.

И всё-таки Иван остался при своём мнении. Если Симон и убедил его точками недоступности, то тут, собственно, и убеждать не надо было, а вот дурацкое одеяние имело отношение к никчёмной клоунаде, да и только, и ненужной, на его взгляд, предосторожностью. Какие тут, богами забытом уголке Земли, могут быть местные жители?

Лавируя среди хаоса камней, они несколько минут шли на восток, прочь от морского побережья. Вышли к небольшой поляне, усеянной равновеликими валунами. Дюжина людей, одетых подобным образом, лениво приветствовали подошедших: кто голосом, кто вялым поднятием руки, а кто отделался и простым кивком головы. Иваном заинтересовалось человека два, да и то ненадолго. Такое пренебрежение к его особе несколько задело Ивана за живое. Он вполне мог бы ожидать хоть какой-то встречи: и как нового члена сообщества ходоков и, особенно, как КЕРГИШЕТА. Однако ни то, ни другое не имело здесь, по всему, никакого значения. ореол собственной значимости, внушённый Учителями (Симоном, Сарьем и доном Севильяком), стал неудержимо блекнуть в его глазах.

Иван потоптался, не зная, куда себя деть, затем присел на округлый камень со скупающим, поддавшимся общему настрою, видом.

Прождав еще минут пятнадцать (Симон явно зря распространялся о точности ходоков), они уже оказались в окружении человек тридцати пяти, так что в этом диком углу Скандинавии ходоков собралось порядочно.

«Бедные местные жители», – глядя вокруг себя, подумал Иван с издёвкой. Вся эта маскировка с переодеванием была сплошной фикцией. Теперь он в этом был уверен точно.

«Тоже мне – конспираторы! Детский сад какой-то! Сыщики и разбойники!»

Собравшаяся компания не понравилась ему с первого взгляда, и не только потому, что отнеслась к нему равнодушно. Было и другое, хотя он одёргивал самого себя, убеждая не торопиться с выводами. Но чем больше он к ней приглядывался, тем сильнее она была ему не по душе. Первое, что бросалось в глаза стороннему наблюдателю, каким в этот раз был Иван, так это полное отсутствие связи между людьми, свойственной любому коллективу или содружеству. А тут сидели далёкие друг от друга индивидуумы, занятые сами собой, хотя и собравшиеся вместе, но не делавшие никаких попыток к сближению.

Последние радужные надежды Ивана что-либо узнать для себя новое от встречи с ходоками довольно быстро испарились, и он уже не горел желанием задавать многочисленные вопросы кому бы то ни было из собравшихся ходоков. Зря, пожалуй, он не верил Симону. На самом деле всё, видимо, было даже хуже, чем он говорил.

Правда, были исключения: их пара – Иван и Симон, и невдалеке расположилась группа в шесть человек. На неё Иван обратил внимание сразу после её шумного появления. Эти ходоки держались отдельно от остальных и были соединены между собой если не дружеской привязанностью, то, наверняка, каким-то общим делом. Все они с деланным безразличием, иногда, даже не оборачиваясь друг к другу, обменивались короткими репликами. Свободно гуляющий ветер то заглушал их голоса, то доносил обрывки разговора, ничего не значащего для Ивана, но, по всей видимости, очень заинтересовавшего Симона. Он явно прислушивался к нему.

Из всей компании Ивану непроизвольно понравился красивый и ладный детина, под стать ему и дону Севильяку. После каждого своего высказывания он громко смеялся. Одет был

подобно всем, но как будто всегда носил и такую рубаху, и такие штаны, и сапоги, подчёркивавшие стройность и длину его сильных ног.

Они перебрасывались репликами. Симон напрягал слух, чтобы узнать, о чём у них там идёт речь. Ему интересно, пусть и слушает, – решил Иван, и продолжил свои наблюдения за ходоками, тем более, что делать больше было нечего, а собрание как таковое не начиналось.

Итак, первое, что бросалось ему в глаза, была обособленная группа ходоков. Второе. Все ходоки сидели почти неподвижно и чего-то или кого-то ожидали, отчего общий вид развернувшейся картины наводил Ивана на вычурное сравнение, почерпнутое ещё в стенах вуза: дух уныния и затянувшегося умирания витал над печальным форумом членов Всемирной организации ходоков во времени. Вот!

Перед ним были сплошь старики, за исключением уже упомянутой группы. И совершенно не было женщин. «Неужели среди них нет ходоков?» – задался он тревожным вопросом. У Симона спрашивать не хотелось... Или ему это показалось из-за униформы, надетой каждым ходоком для свидания с остальными?

Иван опять вернулся к прежней мысли. У него создавалось впечатление: один шутник придумал, а другие, безвольные и ленивые, на всё махнув рукой, приняли шутку без критики. По-видимому так оно и было, ибо пустые потухшие глаза многих ходоков нагнетали обстановку отчаянности. И при достаточно продолжительном взгляде на них у Ивана внезапно, пугающе стремительно, стало нарастать несвойственное ему чувство тревоги и какого-то отчетливо подступающего несчастья.

– Ну и народ, – одними губами сказал он Симону.

Симон даже не взглянул в его сторону, и он не столько услышал, сколько понял его ответ:

– Помолчи!

«Молчу... – про себя отозвался Иван. – Как все жду у моря погоды... второго пришествия... когда рак на горе свистнет... морковкиных загодей, как говаривала когда-то его бабушка... Чего ждать, если здесь что-то затевается?»

Грея холодный камень, на котором сидел, Иван молчал и с отчаянной тоской наблюдал за происходящим. Хуже нелюбимых лекций в вузе! Или наставлений начальства. Когда торчишь в аудитории или на собрании неведомо зачем, но присутствие твоё обязательно. Сидишь, а мысли твои витают неизвестно где. Лишь бы отвлечься от обыденности и не слышать голоса преподавателя или начальника, толкующих истину. Она интересует только их, но непонятно зачем она нужна студенту, тем более специалисту. Вспоминая те давние лекции с томительными часами ничегонеделания, Иван как-то незаметно для себя, безо всякого, правда, умысла, стал думать о собственной исключительности. Вон их, ходоков во времени, сколько, а КЕРГИ-ШЕТ – один!

А кто? Он!! Иван Толкачѳв!!!

Не известно, к чему привели бы его эти мысли, скорее всего – ни к чему, но они были прерваны на самом интересном месте, когда он уже стал подумывать, а не выкинуть ли какую такую ... э-э... штучку, дабы потрясти их и расшевелить сонное царство.

Всего в двух шагах от него проявился ходонок с престранной фигурой, похожей на пивную бочку. Громадная приплюснутая голова его под вязаной шапочкой-блином довершала отчётливость образа – пивная бочка или Пѳбѳ, как когда-то в школе, где учился Иван, называли Тольку Шастова за его чрезмерную полноту. Казалось, появившийся в реальном мире Пѳбѳ не сможет оторвать свои маленькие короткие ручки, карикатурно прижатые к весьма объёмистому животу, и долго не удержится на кривых ножках.

Но, как оказалось чуть позже, подвижен он был весьма и весьма.

Его появление вызвало некоторое вялое движение ходоков – они все посмотрели на него, у иных в глазах загорелась искра мысли. Пѳбѳ взмахнул ручками как шмелиными крыльш-

ками, забегал, гремя камешками, засуетился, открыл необыкновенно большой рот и быстро заговорил:

– Все в сборе!.. Достаточно и того, что собралось... Прекрасно!.. Надо решить неотложные и в высшей степени серьёзные дела... Вы о них знаете!.. Мы не можем пройти мимо тех странных, преступных, – он задохнулся от возмущения. – Да, да, преступных случаев, которые участились на дороге времени. И не по вине каких-нибудь перлей или тарсенов...

Стоило ему проговорить первые слова, как Ивана, и без того уже охваченного ощущением приближающегося несчастья, затопило предчувствие глупо банального продолжения нынешнего заседания ходоков. Словно он всё уже знал заранее, или о чём-то похожем читал, или уже предполагал такой исход раньше. Но вернее всего, опыт Афганистана подсказывал ему – берегись! Да, местные горы величественно и мирно вздымаются в высь, отсутствующие здесь заросли кустов не шелохнутся, но в любое мгновение всё вокруг может ожить и захлебнуться в автоматных очередях и взрывах гранат.

Сколько раз он переживал такое!..

Озябнув от мрачных мыслей, он с насторожённой статью стал посматривать в сторону оживлённой группы молодых ходоков. От них холодной волной исходила опасность.

– Они вооружены? – отрывисто спросил он Симона.

Симон посмотрел на него долгим взглядом, оценивая вопрос, затем с сомнением пожал плечами:

– Не думаю... Не уверен. У нас, вообще-то, это не принято.

– ... и вы!.. только вы виноваты в этом! – выкрикнул Пэбэ и театрально показал детской ручкой в сторону молодёжной группы. – Особенно ты, ренк Джозеф Радич! Я обвиняю тебя и требую сатисфакции! А твоим сообщникам я...

В следующее мгновение случилось так, как Иван и предполагал: глупо, банально, нечестно. Предвидел, пожалуй, не только он, так как, то тут, то там из поля зрения стали исчезать ходоки. Вот был человек – и нет его. Камень, на котором он только что сидел, хранил ещё тепло его тела, а сам он неведомо где уже шёл по дороге времени: в неведомом пространстве и в неведомом времени.

Группа, во главе с Джозефом Радичем, была вооружена пистолетами. Они буднично вытащили их из карманов, из-за пазухи и открыли беспорядочную и бес прицельную, а точнее, демонстративную стрельбу. Пули чиркнули по взлобкам валунов, комарино зажужжали, но всё-таки кого-то ранили – ходок ушёл, оставив капли крови на глянце камня.

Иван отметил непрофессиональное владение оружием – люди явно взяли его в руки для баловства. Однако один из вооружённых ходоков повёл дулом так, что выстрел мог предназначаться Ивану, либо Симону.

Симон исчез из реального мира за мгновение до Ивана, но Иван не стал уходить по дороге времени восвояси, а остановился или завис во времени, отставая от настоящего как раз настолько, насколько пуле, после вылета из пистолета, необходимо, чтобы пролететь те десять-двенадцать метров, что отделяли Ивана от стрелявшего в него ходока.

С ней он разминутся на сотые доли секунды.

Иван замер, как учил его Сарый, и поплыл в будущее с некоторым отставанием от настоящего, в котором сейчас оставались только сторонники Радича. Они его не видели. Два или три кто-то из них тоже зависал, страхуясь, но способности Ивана проникать во времени, по сравнению с ними, были значительно выше, и он без труда уходил от контакта вдоль по дороге времени.

Наконец, он вернулся в реальный мир.

Их было семеро. Кто-то к ним присоединился ещё. Иван лежал за валуном почти рядом с камнем, на котором восседал их предводитель. К нему все ходоки-отщепенцы обращались почтительно, не как-нибудь, а только – «господин Радич», он же их называл по именам.

– Война наконец-то объявлена! – самодовольно провозгласил господин Радич. – И мы их развеяли как... стадо баранов.

Они засмеялись, зашумели, загомонили все сразу. Кто-то тонким надтреснутым голосом несколько раз прокричал:

– Я его продырявил!..

Общий шум перекрыл густой хриловатый возглас. Иван узнал сказавшего на слух – это он, здоровяк и красавец, сидел к ним с Симоном ближе всех и понравился ему.

– Рано веселиться начали! Война-то только ещё объявлена.

– Иди ты!.. – отреагировал господин.

– Пойду... Но мы, Джо, не всё учли.

Иван не ослышался – он назвал Радича по имени, даже сокращённому, панибратскому и без примелькавшегося слова – господин.

– Чего там? – недовольно пробурчал Радич почти над головой притаившегося Ивана.

– А ты видел этого... Рядом с Симоном? Здоров... Как Севильяк. И, по всему, тренирован.

– Здоров и здоров. Ну и что? – спросил обладатель тонкого надтреснутого голоса.

– Думать надо, дурачки вы этикие! Это же новый ренк.

Ивану не было видно их лиц, зато он с некоторым волнением – речь-то шла о нём – пережил молчаливую паузу, вдруг наступившую у ходоков.

– Плевать на него! – хохотнул господин Радич, обидев Ивана навсегда. Встать бы и стукнуть его по голове. А тот, уже строже, продолжал: – У нас и без него дел невпроворот. Дел, заметьте, а не сонных заседаний и ненужного прозябания в этой жизни. Пора нам, молодым и сильным, объединить вокруг себя тех, кто пожелал бы переделать мир и жить красиво и интересно, без пугливой оглядки на дурацкие законы и надуманные порядки, измышленные для тех, кто не умеет ходить во времени. Это они пусть ползут в своём сером настоящем, а нам, ходокам, не пристало пристраиваться к их миру. Он нам не нравится! У нас должен быть другой мир, свои законы, свои дела! – Радич витийствовал довольно складно, иногда переходя на распев. Создавалось впечатление, что он сам себе подвывает. Иван понял: у них всё уже оговорено, имелась, похоже, даже какая-то программа действия. А Радич подтверждал догадки: – Когда наши патриархи вымрут... Чёрт их возьми!.. Тойво и ты, Эдуард, займитесь, наконец, Симоном по-настоящему, а то он водит вас, как щенков неразумных, за нос. Ты же. Арно, можешь, если хочешь, конечно, присмотреть за новым ренком. Встреться, поговори с ним, пощупай его, пригласи к нам. Что ему со стариками делать?.. Тебе, Владимир, придётся покрутиться в Фимане.

«Кто из них Арно?» – разобрало Ивана ненужное любопытство.

Он старался изловчиться, посмотреть и удостовериться, что Арно, приставленный заняться им, и есть тот ходок, который ему понравился. Но старался, как оказалось, неуклюже, чем и выдал себя.

– Лёгок на помине, – спокойно и без особого удивления сказал Арно, увидев, как Иван высунулся почти из-за плеча Радича. – Мы о нём, а он здесь...

Не дожидаясь, когда в его сторону повернуться все остальные, Иван стал на дорогу времени, так и не рассмотрев ни Арно, ни Радича, сидевшего к нему спиной.

Прежде чем направиться к себе домой, он сделал хитроумную, подсказанную Сарьем, петлю во времени, чтобы никто за ним не увязался и не установил место его квартиры.

Впрочем, образ Арно постепенно как-то выкристаллизовался в его памяти: открытое лицо, большие, как будто, голубые глаза, аккуратный нос и лёгкая, красящая его, постоянная улыбка.

– Приятный парень, – поделился Иван своими наблюдениями с Симоном, который спокойно, несмотря на произошедшие, а, по мнению Ивана, на возмутительные события, подждал его, мирно беседуя с Сарыем, пьющим чай.

Ваня может

– Мне он самому таким всегда казался, – ответил Симон и попросил ещё раз пересказать подслушанный разговор. – Да, компания у них, Ваня, крепкая, – продолжил он после нового повтора Иваном за всех, в лицах, беседу заговорщиков, уже с подробностями, по сути, слово в слово. – Сам Радич, я тебе как-то говорил, ренк с довольно большим временным диапазоном. Вот проницаемость у него – так себе... Между ренком и вертом. Он себя считает ренком, а мы – не против... Далее, Арно... Арно Сорель. Сложная и противоречивая, есть такое выражение, фигура. Ренк с высокой подвижностью, но диапазон не ахти, тысячи две с половиной или чуть больше. Как у Камена. Всегда жил сам по себе. Любит показать себя, покрасоваться. А в остальном – нормальный человек. Я бы сказал, мягкий человек, добрый. И, честно говоря, я его не понимаю. Не понимаю его связи с Радичем. Что-то тут есть тёмное. Я Арно не видел вот уже года два, но... Впрочем, кто его знает? Люди, тем более ходоки, порой меняются. Пожил где-нибудь в подобающей обстановке, нахватался глупостей... Надо бы о нём подумать, поспрашивать кое-кого...

– Да они все разбежались, спрашивать некого, – саркастически высказался Иван, вспомнив недавнее, словно неживое, собрание ходоков и их исчезновение, лишь запахло порохом.

– Ты, Ваня, не прав. Не разбежались, а давай сформулируем это по-другому. Скажем, ушли от греха подальше.

– Какая разница?

Симон поднял брови, выражая крайнее удивление реплике Ивана и своё несогласие с ним.

– Жаль, что ты не видишь разницы. Ты разве, когда воевал, под пули лез?

– Не лез, конечно, – вяло отозвался Иван, но остался о поведении ходоков при своём мнении.

– Я его последний раз видел в Фимане, – неожиданно подал голос Сарый. Его красивые карие глаза оживились, в них запрыгали огоньки заинтересованности. До этого казалось, что он пил чай и к разговору побывавших на собрании даже не прислушивался. И вот эта валаамова ослица заговорила: – Там Арно встречался со Шломом.

Симон подпрыгнул так, как если бы его снизу кто-то уколол иголкой до самой кости.

– С кем, с кем?.. Со Шломом?! Ин-те-рес-но! Сейчас, Ваня, я кое-что соображу, а уж потом объясню... Видишь ли... Камен! Давно ли это было?

Учитель, припоминая, важно прищурился.

– Я думаю, – сказал он степенно, – был я там... после того раза два... Устал тогда сильно, едва дошёл...

Хотя Иван не услышал чёткого ответа Учителя, но этого оказалось достаточным для Симона.

– Так, так. Похоже, Шлом проник со срединной точки, – Симон не дослушал стенания Сарыя по поводу тяжести перехода. – Шлом погиб в четырёхста сорок третьем году до нашей эры, если я не ошибаюсь в своих расчётах. С календарями такая путаница... Мы, Ваня, говорим о Шломе по прозвищу Анурхай, что будто означает – Красивый. Таков он и был. Сарый вот знает, что Шлом был великолепным вертом с выдающимся диапазоном движения. Тысяч под десять. Притом умным, сильным и красивым... Здоровый красивый мужчина, как ты, Ваня. – (Ну, уж! – буркнул Иван, польщённый донельзя). Симон, видя его смущение, рассмеялся. – Многое из того, что я тебе рассказал о ходоках, некоторые исторические экскурсы, факты и

имена, и кое-что ещё я почерпнул из бесед с ним... Так, значит, Арно встречался со Шломом... О чём говорили ты, конечно, не знаешь?

Симон с сожалением даже цыкнул языком и обескуражено покачал головой. Сарый в ответ глянул кротким невинным взглядом и, не спеша, отхлебнул из чашки.

– Знаю, – наконец, многозначительно промямлил он и сделал паузу. – Они были рядом со мной.

– С тобой?!. В этом?!!

– Нет! – Сарый метнул в сторону Ивана быстрый настороженный взгляд. – У фонтана Забвения.

– Ты уже до него добрался?

– А что? – Сарый начал выпрямляться и выпячивать вперёд птичью грудь, изображая независимость.

– Перестань! – отмахнулся Симон. – Ну, Камен! – он явно разволновался. На лбу у него выступили мелкие капельки пота. – Не тяни!

– Может быть, не интересно... – проговорил Учитель протяжно, но, посмотрев в лицо Симона, смешался и зачастил: – Они говорили о мешке Сола... Вот. Сам знаешь, какой это разговор. Вот я и подумал, что ничего интересного в этом разговоре нет...

Симон присвистнул.

– Вот оно что!.. Так, так... Они тебя видели?.. Нет! Совсем хорошо... Теперь, друзья, помолчите некоторое время.

Лицо Симона окаменело – он думал. Сарый тоже думал. Губы его вздрагивали, глаза лихорадочно блестели, и, вообще, он имел несколько затравленный вид. Он, наверняка, знал, о чём думает, вернее, что пытается понять Симон, сопоставляя известные ему и предполагаемые им же факты и события последних и стародавних дней.

Глядя на них, Иван проникся к ним необычайным уважением.

Ходоки во времени – мудрецы, – родилась и билась мысль в его сознании, подавленном сосредоточенным видом Учителей. Именно Учителей! Так могли думать только мудрецы. Мудрецы тех, прошедших столетий, полностью ушедших в размышления, занятых мировыми, вселенскими проблемами, позабывших обо всём мирском и суетном... И они его Учители! Не учителя, а Учители, те, которые стоят у истоков всего того, чему они его учат.

Уф!.. Лицо Симона порозовело, он шевельнулся.

– Неужели, дорогой, мешок Сола действует? – нервно спросил его Сарый.

Симон вымученно улыбнулся.

– Мы, дорогой, пришли с тобой к одному мнению... Но каково!.. До чего додумались и добрались, стервецы!.. А тут ещё дела... наши...

Они замолчали и несколько минут грустно смотрели в глаза друг другу, словно занятые мысленным диалогом, в который ученика – непосвящённого – не пускали.

– Ваня уже может, – нарушил молчание и серьёзно сказал Сарый. – Я в нём уверен.

– Ваня может! – подобно эху, всё ещё занятый решением каких-то вопросов, повторил Симон,

Учитель промолчал, с шумом отхлебывая остывший чай.

«Моё имя названо!..» – Иван почувствовал себя перед боем, сейчас начнут стрелять, угадать бы – откуда.

Да, его имя названо...

Ваня может, – подвел черту Сарый всему тому, чему он успел научить Ивана. То же самое повторил Симон, как само собой разумеющееся...

Но они не торопились испытывать его возможности.

Симон ещё раз попросил пересказать подслушанную беседу ставших на путь раскола ходоков. Потом сказал несколько слов о Тойво и Эдуарде, назначенных Радичем заняться им

самим. Дал туманные, во всяком случае, непонятные для Ивана наставления Сарью, чему в ближайшее время того учить, и ушёл, озадачив ученика неприкрытым равнодушием ко всем тем событиям, что произошли на встрече ходоков. Он никого не осудил, не сказал о принятии каких-то мер...

Ивану-то казалось, произошёл из ряда вон скандальный и страшный для ходоков инцидент, который был противоестественен по своей сути: вооружённые люди стреляли в безоружных. Шайка гангстеров или наёмников какая-то. Настоящие фашиствующие молодчики. А для них, для Сарья и Симона, такое как будто было в порядке вещей, существующем у ходоков.

Симон ушёл, а Сарый, хлопая посоловевшими после еды глазами, направился спать. Иван сел за убранный стол на кухне и задумался надолго, наверное, так в первый раз в жизни.

Хотя кто знает, что значит – задуматься по-настоящему?

Подчас этому придают слишком большое значение.

Думать думу – само по себе тягостное состояние души. В ней что-то бродит там, по бесчисленным нервным клеткам в виде слабых токов, понуждая мозг работать и осознавать то или иное событие, уже случившееся с ним. Случившееся, но почему-то пропущенное мимо. А теперь вот оно вновь напоминает о себе и заставляет вязать ниточку с такими же эпизодами или с более понятными явлениями. И выстраивается новая картина окружающего. Это приводит к тому, что человек вдруг познаёт либо радость ото всего того, что с ним случилось или может случиться, либо, что значительно чаще, ибо в радости мало задумываются, к нему приходит понимание необходимости принятия новых, порой, неприятных решений. Тогда он следом начинает думать – а не обойтись ли малой кровью и не плюнуть ли на всё?..

Вначале мысли Ивана витали вокруг недавнего переполоха среди ходоков из-за стрельбы по ним. И вспоминая подробности, выражения лиц, глаза, жесты участников событий, он теперь представлял, что они, по кому стреляли, не очень-то все испугались её, этой стрельбы. И Сарый, когда ему рассказали об этом, похоже, вообще пропустил мимо ушей сам факт появления у некоторых ходоков огнестрельного оружия и пальбы из него по людям. Зато о мешке какого-то неведомого Сола говорил взволнованно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.